

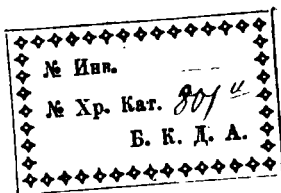
ЗАПИСКИ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VI,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРАВИТЕЛЯ ДѢЛА
СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

А. С. СТЕБНЕВА.

ИРКУТСКЪ.

Въ типографіи штаба войскъ.

1863.

Печатано съ одобренія цензуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

ИЗСЛѢДОВАНИЯ И МАТЕРІАЛЫ.

	страни.
1. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку. А. ПАВЛОВСКАГО, члена—сотрудника Отдѣла.	1
2. Историческій очеркъ якутскаго Тамгинскаго желѣзодѣлательнаго завода и Юндыбальскаго серебрянаго рудника въ Верхоянскомъ округѣ. В. РАЙСКАГО, члена—сотрудника	24
3. <u>Объ осякахъ, тунгусахъ и проч. инородцахъ Енисейскаго округа.</u> М. КРИВОШАПКИНА.	39
4. Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоянскомъ округѣ. П. КЛАРКА, члена—сотрудника Отдѣла	87
5. Нѣсколько словъ объ Аргуни и объ истинномъ источникѣ этой рѣки. Н. КАШИНА, дѣйствительнаго члена Общества.	97
6. Замѣтка на статью: «Нѣсколько словъ объ Аргуни». К. БУДОГОСКАГО, дѣйствительнаго члена Общества	105
7. Кайбалы. Кн. Н. КОСТРОВА, члена—сотрудника.	109
8. Шушенская волость Минусинскаго округа. ЕГО ЖЕ.	118
9. Бирюсы. ЕГО ЖЕ.	126

II.

СМѢСЬ.

Стр.

1. О полярной экспедиціи, предпринимаемой докторомъ Гайесомъ. АРГЕНТОВА, члена-сотрудника.	1
2. Глубина Байкала. Д. РОМАНОВА, дѣйствительнаго члена Общества	7
3. Миражъ въ окрестностяхъ г. Селенгинска. П. КЕЛЬБЕРГА.	16
4. Минеральный ключъ на берегу рѣки Хилка. ЕГО ЖЕ	19
5. Мѣсторожденіе мрамора въ Минусинскомъ округѣ	25
6. Замѣтка о перемѣнахъ погоды, въ С. Михайловскомъ, на р. Амурѣ. Свящ. ТИТОВА.	29
7. Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ округѣ. АНОСОВА.	33
8. Замѣтки изъ дѣлъ якутскаго архива. РАЙСКАГО.	38
9. Извѣстія о дѣйствіяхъ горно-поисковой партіи въ Приморской области Восточной Сибири въ 1857 и 1858 г. АНОСОВА.	40

III.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА.

1. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 25 января 1858 г.	1
2. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 23 февр. 1858 г.	2
3. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 12 марта 1858 г.	4
4. Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 14 мая 1858 г.	8
5. Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 21 мая 1858 г.	13
6. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 25 октября 1858 г.	17
7. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 27 октября 1859 г.	28

III.

ОБЪ ОСТЯКАХЪ, ТУНГУСАХЪ И ПРОЧ. ИНОРОДЦАХЪ ЕНИСЕЙСКАГО ОК- РУГА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1857 г. былъ я командированъ въ Туруханскій край, слѣдовательно имѣлъ случай многое видѣть своими глазами. Статья моя объ остякахъ написана тамъ же, въ Бахтинскомъ станкѣ, гдѣ я осеновалъ и около котораго жили остяки. Она вышла во многомъ противорѣчащею статьѣ кн. Кострова, явившейся въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла въ 1858 г., и составленной изъ сообщавшихся ему свѣденій заглазно. Такъ какъ замѣтка кн. Кострова объ остякахъ кратка, то я и подалъ свою статью объ этихъ инородцахъ цѣликомъ. Что же касается до тунгусовъ, то кн. Костровъ написалъ объ нихъ такъ тщательно и подробно, что моя статья объ этихъ инородцахъ была бы только повтореніемъ сказаннаго уже имъ; и потому, оставляя въ сторонѣ самолюбіе и заботясь только о дѣлѣ, я уничтожаю цѣлость своей статьи о тунгусахъ, выбравъ изъ нее только во первыхъ то, въ чемъ нашолъ я у кн. Кострова противорѣчіе съ

дѣйствительностію, а во вторыхъ то, чего у него вовсе нѣтъ. Отъ того описаніе получило форму отрывочныхъ замѣтокъ. За тѣмъ, тоже въ видѣ замѣтокъ, скажу о самояди и объ якутахъ, да прибавлю въ заключеніе мысли мои о причинахъ цынги и другихъ болѣзней въ Туруханскомъ краѣ и о народныхъ противоцынготныхъ и другихъ средствахъ.

А, О С Т Я К И.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ, ИСТОРИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ, ИХЪ НАСТОЯЩЕЕ.

Подъ именемъ остяковъ у русскихъ слыли народы, не рѣдко совершенно между собою различныя и этотъ предметъ сталъ разясняться только въ послѣднее время.

Выскажемъ и наше мнѣніе.

Слово остякъ происходитъ, вѣроятно, отъ киргизскаго уштякъ и татарскаго юмтякъ, что въ переводѣ значить чужеземецъ. Фишеръ (*) говоритъ, что юштякъ у татаръ равносильно значенію слова варваръ, или скивъ; у грековъ это означаетъ чужеземца, пришлеца, а также и дикаго, не просвѣщеннаго человѣка. И не удивительно, если побѣдители татары, овладѣвъ Западною Сибирью, такъ назвали всѣхъ побѣжденныхъ ими: удача большею частию возвеличиваетъ человѣка и даетъ ему право съ самодовольной гордостью считать себя неизмѣримо высокимъ; особенно такъ бываетъ съ людьми непросвѣщенными истинно и не одаренными отъ природы высокою силой характера не увлекаться обаяніемъ славы.

Эта догадка подтверждается тѣмъ, что этимъ именемъ не называются инородцы къ востоку отъ Енисея, гдѣ не было и владычества татаръ, и что русскіе, употребляя слово остякъ съ

(*) См. Сибирскую исторію 1774 года, стр. 85.

тѣмъ же значеніемъ, называли нѣсколько времени осяками и вогуличей (*)

Изъ находящихся въ Енисейской губерніи девяти родовъ осяковъ: Натско-пумпокольскій, Карасинскій, Байхинскій, Тымскій и Каракопскій, имѣютъ и по языку большое сходство съ пустоарскою и югорскою самоедью, равно какъ и такъ называемые осяки Томской губерніи, тогда какъ роды Сымско-коссовскій, Подкаменскій, Верхнеинбацкій и Нижнеинбацкій говорятъ совершенно особымъ языкомъ, неимѣющимъ сходства и съ языкомъ осяковъ Тобольской губерніи; послѣдній сходенъ съ языкомъ вогуличей, народа чудьскаго племени, въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ массы племенъ, говорящихъ сродно финскому языку, ибо чудью, русскіе называли всякаго чужаго чело-вѣка. Историкъ Миллеръ (**) говоритъ, что осяки появились въ Тобольской губерніи около 1372 г. по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермю въ христіанскую вѣру и когда много народовъ, боясь принужденія бросить свою вѣру, удалилось на берега Оби.

Такимъ образомъ скорѣе можно объяснить родство осяковъ (особенно Томскихъ) съ югорского самоедью, чѣмъ допустить сходство съ вторыми родами такъ называемыхъ чисто енисейскихъ осяковъ. Достаточно для того предположить, что эти самоеды образовались отдѣленіемъ и уходомъ на сѣверъ осяковъ, стѣсненныхъ побѣдителями татарами, а тамъ уже поступили подъ общее названіе самыхъ сѣверныхъ обитателей Европейской Россіи. А истина этого можетъ подтвердиться происхожденіемъ самаго слова самоедь, которое можно вести отъ лапландскаго языка, ибо эти обитатели сѣвера Финляндіи называли себя *саме*, *сабле*, а землю свою *самеядна* или *самеладде*; (***) откуда уже самоедь или самеядна перешло на другихъ сосѣднихъ жителей сѣвера.

(*) Смот. Сибир. истор. 1774 г., стр. 86.

(**) См. Житіе и обыкновеніе осяковъ, Миллера.

(***) См. Гогстремово описаніе Шведской Лапл., гл. 4.

Но къ какому же племени отнести остяковъ енисейскихъ, и откуда вывести ихъ происхожденіе, если они ни съ какими разсмотрѣнными нами инородцами неимѣютъ общаго корня?

Остановясь на этомъ вопросѣ, г. Степановъ предполагаетъ ихъ потомками уйгуровъ. А такъ какъ это предположеніе очень интересно, то передаемъ все мнѣніе г. Степанова, (*) вмѣстѣ съ преданьемъ самихъ остяковъ.

Въ землѣ монгольской, по словамъ переводчика Абулгази, находятся три гряды горъ, проходящія у истока Енисея: Тургатабуз-лукъ, Ускун-лук-турга и Кутъ. Между этими горами жили уйгуры, вслѣдствіе несогласій раздѣлившіеся. Одна часть вышла на берега Иртыша и въ свою очередь раздѣлилась на три: хлѣбопашную, скотоводную и избравшую предметомъ занятій непремѣнно звѣрицу и рыбную ловлю, съ такимъ пристрастіемъ, что желаніе кого нибудь сдѣлаться хлѣбопашцемъ или скотоводомъ считалось обидой или ругательствомъ. А такъ какъ звѣри, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ лучше, то эта часть уйгуровъ и могла подаваться отъ Иртыша къ Тазу и Енисею.

Вотъ эту то часть г. Степановъ и желаетъ считать за родоначальниковъ народа, оттѣненнаго нами именемъ енисейскихъ остяковъ, что можетъ подтвердиться слѣдующимъ преданьемъ у Тшвотшимбыкубамскаго рода остяковъ.

Когда орда пробиралась отъ заката солнца на восходъ и пришла на Тазъ, то осталось четыре человека съ женами. Изнуренные, они лежали на берегу Таза и готовились уже къ голодной смерти, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ былъ объятъ нерѣдкимъ ему вдохновеньемъ: ибо онъ принадлежалъ къ мудрымъ (тшвотшимбыкубамъ). Въ минуту приросли къ нему два крыла; онъ поднялся на воздухъ и оттуда быстро погрузился въ воды Таза. Прошло немного времени—онъ вылетѣлъ изъ воды снова на воздухъ и явился къ товарищамъ уже обнизанный съ ногъ до головы всякими рыбами, которыя трепетали хвостами и сверкали разноцвѣтной чешуей. Съ тѣхъ поръ они начали за-

(*) См. Описаніе Енисейской губ., ч. II, стр. 40.

ниматься постоянно рыбнымъ промысломъ.

Положимъ, что это преданіе, какъ и всякое другое, какъ народныя легенды и саги, положимъ, говорю, оно неимѣетъ полной исторической вѣроятности; но неужели неможетъ давать намека, неужели неполучить значенія въ массѣ другихъ доказательствъ? Во первыхъ, неужели неопровержимо вѣрно все, что заключено въ письменность? Напротивъ, часто въ ней бываетъ только то, чего нѣтъ на дѣлѣ, и умолчено обо всемъ, что было дѣйствительно. Таковы нерѣдко официальные рѣчи, таковы часто и срочные отчеты. Кромѣ того, неужели въ однихъ только письменныхъ официальныхъ историческихъ документахъ, по часту ложныхъ, заключена вся жизнь народа? Неужели все можно печатно передать въ общую извѣстность?

Слѣдовательно, и приведенному выше мною преданію можно дать если не вѣроятіе, то какое нибудь значеніе. Нашъ ученый академикъ Кастренъ (*) признастъ остяковъ вышедшими также съ верховьевъ Енисея.

По изслѣдованіямъ молодого ученаго Дорджи-Банзарова, (**) уйгуры были лѣсной народъ тюрскаго или монгольскаго племени. Слѣд., остается только филологамъ рѣшить, на сколько языкъ такъ называемыхъ остяковъ снисейскихъ заключаетъ въ себѣ элементовъ тюрскаго или монгольскаго? Всмотрѣвшись въ нихъ, я нахожу, что по типу своему они ближе всего подходятъ къ монголамъ.

Въ историческомъ отношеніи остяки играютъ важную роль, какъ виновники и руководителя (хоть и не единственные) покоренія земель по Тазу, Турухану и Енисею у тѣхъ мѣсть.

Не вѣришь глазамъ, читая о невѣроятной предприимчивости нашихъ предковъ; не вѣришь ушамъ, слушая рассказы о томъ, какой могучій духъ двигалъ ихъ впередъ, безъ средствъ, въ неизвѣданныя и казалось бы безпредѣльныя земли, гдѣ на каждомъ

(*) См. Bulletin S. Petersbourg, 1847—Т. IV.

(**) См. бібліотеку Восточной исторіи профес. Березина. т. I.

шагу встрѣчались новые враги въ невѣдомомъ числѣ.

Еще не диво, что безстрашный Ермакъ грянулъ неожиданно на Сибирь съ горстью храбрецовъ: онъ чѣмъ нибудь хотѣлъ загладить свои вины и вымолить у царя право носить еще на плечахъ своихъ голову, уже обреченную можетъ быть на колъ. Но то гораздо знаменательнѣе, что въ часы гибельныхъ междоусобій, въ часы, какъ несчастныя обстоятельства мучили и грозили разорвать отечество наше, находились граждане, торговые люди, которые беззаботно, съ неслыханнымъ хладнокровіемъ, пролагали новые пути въ безызвѣстныя страны, покупая кровью, голодомъ и холодомъ каждый шагъ впередъ.

Первые, съ кѣмъ встрѣтились русскіе торговцы, были остяки и самоеды. Произвольный поборъ съ нихъ и слухъ объ обогащеніи, заставилъ Царя Ѳедора Іоанновича послать въ 1598 г. отъ Березова отрядъ казаковъ, который открылъ орды остяковъ и самоеды, собралъ съ нихъ дань и возвратился съ донесеніемъ въ Москву. Вслѣдствіе чего, въ 1600 году, былъ посланъ князь Шаховской, для заложенія острога, а за нимъ въ 1601 г. еще кн. Мосальскій, съ 200 казаковъ, который, спускаясь отъ устья Таза, нашолъ, въ 200 верстахъ отъ него, удобное мѣсто и заложилъ острогъ съ магазиномъ, изъ котораго велѣно было снабжать безденежно остяковъ и самоедъ, съ цѣлью привлеченія. Когда же ихъ поскупилось значительное количество, то въ 1602 г. образовался городъ Мангазей.

Съ увеличеніемъ народонаселенія, явилась большая нужда въ жизненныхъ потребностяхъ, и такъ какъ доставка изъ Березова была крайне затруднительна, и остяки стали отходить далѣе на юговостокъ, то слѣдуя за ними, равно какъ и для соединенія съ казаками, направлявшимися къ Енисею съ юга, откуда и всѣ припасы было бы удобнѣе получать, чѣмъ изъ Березова, произвели слѣдующее:

По встрѣчѣ двухъ отрядовъ, 1605 г., при устьѣ Сыма, произошла ссора за то, кому собирать дань съ нѣсколькихъ остяцкихъ ордъ, подчинившихся уже южнымъ казакамъ, которые, подъ начальствомъ Молчанова, построили Катскій острогъ. Это сорев-

нованіе заставило мангазейцовъ сбавить количество дани съ 12 соболей (какъ собирали Молчановцы) на 6, а также подстрекнуть остяковъ подать жалобу на Молчанова. Изъ этого возникла тяжба на 12 лѣтъ (*).

Слѣдую по р. Турухану, въ 1608 г. основали Туруханское зимовье, съ хлѣбнымъ магазиномъ. А затѣмъ сюда, какъ въ мѣсто болѣе южное и восточное, да и вблизи вождельнаго Енисея, послѣ пожара въ Мангазеи, переведенъ городъ.

Постоянно спускаясь далѣе къ югу и основывая остроги, теперь исчезнувшіе, въ 1619 г. zaloжили Енисейскій острогъ.

Кромѣ того остяки играютъ роль и въ отношеніяхъ русскихъ къ тунгусамъ. Первая встрѣча наша съ тунгусами обошлась безъ помощи, а можетъ быть и руководства остяковъ, которые въ этой кровопролитной и упорной битвѣ стояли вмѣстѣ съ русскими и дали перевѣсъ. Тунгусы были въ большемъ числѣ, подъ начальствомъ храбраго Данула, который, опершись на длинную палку свою, давно уже съ безпокойствомъ смотрѣлъ на занятіе русскими прекрасныхъ долинъ, разстилающихся на западъ. Поэтично очерченъ этотъ бой у Фишера: «На долинѣ, прилегавшей къ Енисею и окруженной тальникомъ, русскимъ представилось невиданное зрѣлище: масса враговъ была одѣта въ одинакое платье; шлемы и щиты ихъ были желѣзные, чешуйчатые; за плечами висѣли колчаны съ стрѣлами; длинныя острия палки прислонялись къ лѣвому плечу; луки были натянуты; бой былъ упорный и кончился побѣдою Молчанова». Такимъ образомъ, съ помощью остяковъ, мы наложили руку на многочислѣннѣйшее изъ кочующихъ племенъ—тунгузское.

Остяки большею частію роста средняго и вообще слабы. Лица ихъ не представляютъ ничего особеннаго въ выраженіи, только мужчины смотрятъ будто сурово и пасмурно, какъ-то изъ подлѣбья, а женщины болѣзненно. Многіе мужчины носятъ такое же платье, какъ крестьяне, будучи знакомы

(*) Все это подробно изложено въ вышеозначенной исторіи Фишера.

даже и съ рубахою; другіе же придерживаются своего костюма, который состоитъ изъ длиннаго халата, сшитаго изъ выдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ, иногда выкопченныхъ, а иногда бѣлыхъ, оленьихъ кожъ; лѣтомъ носятъ изъ холста, или дабы, хорьки, т. е. подштанники отъ колѣнъ до пояса, а зимою хорьки изъ ровдуга, и сверху суконныя длинныя нагавицы; на ногахъ тоже что у женщинъ. У женщинъ и дѣвицъ одинъ и тотъ же нарядъ: длинныя рубахи, короткіе штаны, халаты, подпоясанные и открытые нѣсколько на груди, завѣшенной всегда нагрудникомъ; чарки съ холщевыми чулками на ногахъ, а за тѣмъ такіе же какъ у мужчинъ—хорьки. Головы у бѣдныхъ женщинъ покрываются бумажными платками, а у богатыхъ суконными или китайчатыми шапочками, опущенными какимъ нибудь мѣхомъ, напр., бѣличымъ, и такимъ образомъ, что головки этихъ звѣрковъ утверждены напереди, а ушки расправлены вверхъ. Волосы нѣкоторыя стригутъ по крестьянски, а нѣкоторыя распускаютъ безъ стрижки по плечамъ, дѣлая проборъ спереди.

Относительно опрятности скажу, что оба пола очень грязны, и нечистоплотны; впрочемъ эта нечистота далеко не въ такой степени, какъ описываетъ ее Палласъ: видно христіанство и общеніе съ русскими имѣли на нихъ свое благотѣльное вліяніе. Въ Енисейскѣ мнѣ говорили: «что остяки давно уже христіане, что они потеряли даже всякое воспоминаніе объ язычествѣ; что шамановъ у нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ какъ они увѣряютъ». Мнѣ же, посѣтившему не разъ ихъ чумы и землянки, случилось видѣть и слышать противное.

Шаманы у нихъ до сихъ поръ не вывелись; этого они отъ насъ и не скрывали.

Упомянувъ объ остякахъ, какъ о христіанахъ, надо сказать, что они плохіе христіане: внутренней смыслъ имъ недоступенъ, а наружная сторона христіанства плохо соблюдается, такъ напр., по дальности церквей, младенцевъ крестятъ лѣтъ четырехъ; похороны зависятъ также отъ обстоятельствъ, а между тѣмъ мертвецы не ждутъ, предаваясь гниенію. Бракосочетаніе тоже не соблюдается. Однобрачіе лишаетъ остяковъ работницъ безплатныхъ.

Одинъ остякъ просилъ у начальства позволенія имѣть двухъ женъ, и когда ему было отказано, то хитрецъ спросилъ:—«Ну, а раб-ботницъ, какъ у нашего засѣдателя,—можно?»

Впрочемъ, каково бы нибыло непониманіе религіи, однакожъ остяки признають добрыхъ и злыхъ духовъ, а слѣдовательно имѣють понятіе о добрѣ и злѣ. Но за признаніемъ ихъ существованія не слѣдуетъ, кажется, ничего особеннаго, ибо хотя и дѣлають въ рѣдкость кое гдѣ божковъ, но чуть ли не за тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ неуспѣха, высѣчь ихъ, бросить въ огонь и от-правиться на молюбу къ святителю Николаю; за всѣмъ же тѣмъ при-знають единого Бога, называемаго по остяцки: Есесъ.

Главное занятіе этого племени есть рыболовство. Остяки, размѣщаясь родами по Енисею на берегахъ и островахъ, а по спаденіи воды и на меляхъ, готовятъ рыбу не только для своего пропитанія и на зиму, но и для *карасинцевъ*, т. е. енисейскихъ купцовъ, плавающихъ за Туруханскъ (*) съ товарами и приво-зящихъ тысячъ по четыре пудъ соленой рыбы. Впрочемъ, не для однихъ ихъ остяки запасаются рыбою, но и для *бѣлорыбцовъ*, т. е. приплывающихъ изъ Енисейска только до Инбацка, въ началѣ авгус-та, за бѣлою рыбою, которой въ то время уловъ. Здѣсь замѣчу, что мнѣніе г. Гагемейстера (въ II ч., на стр. 530, его Статис. обоз. Сиб), будто за Туруханскомъ торговля ведется на тѣхъ же основа-ніяхъ, какъ ниже Березова (т. е. товарами, скупаемыми въ самомъ Березовѣ),—не вѣрно; потому что на Оби торговля производится ка-заками и мѣщанами, слѣд. мелочью, закупаемою въ Березовѣ, съ ко-торою приходятъ на легкихъ лодкахъ, тогда какъ сюда приплы-ваетъ нѣсколько капитальныхъ лицъ, на большихъ судахъ, нагруженныхъ своимъ товаромъ. Они торгуютъ въ самомъ Туру-ханскѣ, а частью и на пути къ нему и по станкамъ, расположен-нымъ за нимъ ближе къ морю.

Чѣмъ ловятъ остяки рыбу неописываю, потому что отъ рус-скихъ туземцевъ въ этомъ отличія нѣтъ, а слѣдовательно и

(*) До селенія Карасинцы (отъ чего и ихъ названіе) отъ Туру-ханска 1000 верстъ.

будетъ все описано въ статьѣ о рыболовствѣ въ Енисейскомъ округѣ вообще. Какъ только весенній снѣгъ начнетъ таять, остякъ, со всѣмъ семействомъ, отправляется на берегъ извѣстной ему, или любимой имъ, рѣки, и устраиваетъ тамъ свое временное жилище. «Погода хорошая, говоритъ онъ:—завтра я пойду ловить рыбу». А поставитъ чумъ—дѣло чуть-ли неминуемое, какъ для цыгана—бродяги разбить свой шатеръ. Остяцкіе чумы даже похожи издали на цыганскіе шатры.

Чумъ дѣлается изъ бересты (*), вареной въ большихъ котлахъ. Въ такомъ видѣ береста называется тиска (**) и бываетъ длиною до 5 аршинъ, а шириною иногда до 3 четвертей. Нѣсколько такихъ штукъ сшивается вмѣстѣ по длинѣ, съ помощію особаго инструмента, называемаго *дуть*. (Смотр. рис. 5). Желѣзные и деревянные части дута равной величины; желѣзко (означенное темнымъ оттѣнкомъ) имѣетъ копьеобразную форму, длина всего дута вершковъ шесть; для сшиванья употребляется постегонка (т. е. сученое конопле), и сшитыя части называются полосами, т. е. говорятъ напр. сшить въ три или четыре полосы.

Отъ выварки, береста дѣлается мягкой, не ломкою, очищенною вполне отъ вѣтринокъ и коры. Я думаю, что дѣлать изъ этой бересты чумы полезно, по сильному противу ревматическому свойству березы и потому что береста не пропускаетъ мокра.

Чумъ состоитъ изъ 60-ти сошекъ, соединенныхъ вмѣстѣ сверху такъ, что остается отверстіе болѣе полуаршина, для выхода дыму; въ основаніи чумъ до 6 аршинъ въ поперечникѣ, а высота его около 4 аршинъ. Вмѣстѣ съ чумомъ начинается при-

(*) Обращаю на это вниманіе лицъ, говорившихъ мнѣ въ Енисейскѣ, что чумъ дѣлается изъ березовой коры; напротивъ, кора остается на деревѣ, и употребляется въ дѣло береста.

(**) Тиска, т. е. вареная береста, вошла въ полное употребленіе и у русскихъ.

готовленіе вѣтки (*), лодки, снастей и проч., и если все готово— не ждутъ вскрытія рѣки, а пробиваютъ размякнувшій ледъ пешнями и продвѣваютъ въ воду сѣти. При моемъ осмотрѣ, чумы были почти пусты: все имущество находилось въ лодкѣ.

Въ лодкѣ узкой, сажень примѣрно 5 длины, неимѣющей ни одного желѣзнаго гвоздя и сидящей въ водѣ не болѣе полуаршина, былъ сдѣланъ берестяной домикъ; онъ раздѣленъ на двѣ половины, съ двумя дверцами. Здѣсь, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующія вещи, которыя мнѣ нигдѣ не случилось встрѣчать:

Сумты—инструментъ, употребляемый для отдѣлки кожи. Онъ состоитъ изъ дерева (а) (смотри рис. 6-й), около аршина длины; на срединѣ, въ болѣе толстомъ мѣстѣ, вбиты (какъ видите на рисункѣ) два желѣзка (б), хорошо закаленныхъ, въ родѣ стали и имѣющихъ такую форму, что въ широкихъ (до $\frac{3}{4}$ вершк) почти заостренопластинчатыхъ (?) концахъ своихъ, вышедшихъ на эту сторону, заключается и вся сила, потому что ими-то и производится отдѣлка; тогда какъ другая половина каждого изъ этихъ копытчатыхъ желѣзковъ, имѣетъ форму гвоздя, вбита въ дерево съ противоположной стороны и вышла сюда только кончикомъ, который загнуть и приплюснуть, весьма крѣпко. Этотъ инструментъ употребляютъ взявшись руками за углубленные для рукъ части дерева, въ родѣ струга, съ тою только разницей, что спустивъ стружку однимъ желѣзкомъ, они дѣлаютъ небольшой оборотъ палки, и заводя вверхъ, производятъ уже другую стружку другимъ желѣзкомъ. Такимъ образомъ, если кожа виситъ, то за однимъ взмахомъ, при нѣкоторыхъ оборотахъ инструмента, дѣлаютъ двѣ стружки, т. е. при спускѣ внизъ одну и при подъемѣ рукъ вверхъ другую, подхвативъ уже другимъ нижнимъ желѣзкомъ.

2, *Сидяюксы*. (*) Этотъ инструментъ употребляется для

(*) Вѣтка подробно описана въ статьѣ моей о звѣроловствѣ. Примѣч. ав. Статья эта будетъ помѣщена въ слѣдующей книжкѣ Записокъ. Примѣч. Р-а.

(*) Буква г. произносится какъ латинское дыхательное h.
Кн. VI.—Отд. I.

мягченья кожъ. Онъ такой же длины, какъ предъидущій; сдѣланъ изъ дерева съ мѣстами для рукъ въ концахъ, а сила его заключена въ желѣзѣ, помѣщающемся въ углубленіи инструмента; самое желѣзо означено тѣнью (смотри рис. 7-й) и составляетъ какъ бы пилу, въ мизинецъ шириной, и съ тупыми зубчиками; отъ пилы идутъ еще гвоздеобразные концы, которые вбиваются въ дерево и выходятъ загнутыми и приплюснутыми концами, какъ означено въ точкахъ а и б; этими концами пила, плотно уложенная въ выемку и выдавшаяся изъ за нея, неподвижно прикрѣпляется къ дереву. Употребленіе сидягоса состоитъ въ томъ, что кожу, растянутую и прибитую сверху и внизу, шоркаютъ взадъ и впередъ, чѣмъ очищаютъ и сильно мягчатъ ее.

Подготовивъ такимъ образомъ все, остоякъ будить свою жену на завтра словами: «скорѣ приведи вѣтку, подай сѣть, подведи собаку». Горе женѣ, если она осмѣлится сказать ему хоть напр. подожди, или поднять тяжело. Мужъ тутъ беретъ полно и съ словами: «худо дѣлаешъ», начинаетъ колотить свою сожительницу. Разумѣется это не всегда дѣлается, но всеже чаще чѣмъ у другихъ инородцевъ. Въ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова объ остоякахъ, бродившихъ по Оби, между прочимъ, сказано: «Во истину и скотамъ не уподобишася сіи людие: скоть бо аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ не повелѣно ясти ему—и не ясть, звѣря или птицы, или траву сѣнну. Сіи жъ челоувѣцы неуподобившися симъ, понеже.... сыроядцы, звѣрина же и падская мяса снѣдающе скверно, и кровь пѣху, яко воду, отъ животныхъ, а также и траву и кореніе ядаху».

Въ этихъ словахъ странное сліяніе истины съ совершеннѣйшей ложью. Истина принадлежитъ описанной картинѣ, а ложь, и ложь обличающая невѣжество высказавшаго ее, лежитъ во взглядѣ и сужденіи объ этой картинѣ. За что же эта брань, это выставленіе, что они хуже скотовъ?—За то, что составляетъ плодъ нужды и требованій природы; за то, что составляетъ спасеніе ихъ жизни. Разберу по пунктамъ.

Не только Савва Есиповъ (ему простительно по тому времени), но есть и теперь люди, выражающіеся такъ: «ничего не

можетъ быть гаже и отвратительнѣе оstanta, разрывающаго зубами рыбу и съ особеннымъ удовольствіемъ пьющаго кровь». Странно слышать столь рѣзкія сужденія о томъ, чего многіе непонимаютъ. Напротивъ, употребленіе сырой рыбы спасительно отъ скорбута; свѣжую сырую рыбу употребляютъ не одни оstanta, но и всѣ инородцы глубокаго сѣвера и коренные сибиряки и при томъ такъ, что у небольшихъ рыбокъ вовсе неразбиваютъ головки, а трепещущуюся, посоливъ, вкладываютъ хвостикомъ въ ротъ, и едва дрыгнетъ она во рту, какъ головка уже отпадаетъ и отбрасывается въ сторону; а крупную всѣ сибиряки, на рыбалкѣ или во время тяги бичевой и проч., глушатъ ударомъ головы о камни, тогда какъ въ другое время, на свободѣ, поступаютъ иначе. Слѣд., за что же винить въ этомъ, какъ въ поступкѣ хуже звѣрскаго, однихъ оstanta? Употребленіе въ зимнее время мерзлой сырой рыбы, какъ я сказалъ, вообще принято у всѣхъ коренныхъ обитателей Восточной Сибири; это кушанье, называемое строганиной и приготовляемое въ видѣ стружекъ, изъ какой нибудь лучшей ленской, енисейской или байкальской рыбы, съ солью и перцомъ, очень вкусно, питательно и даже здорово. Будучи врачомъ, мнѣ случилось сдѣлать слѣдующее наблюденіе въ арестантской больницѣ. Поступило въ больницу два, содержавшихся въ острогѣ, несчастныхъ оstanta; оба были въ скорбутѣ. Перваго началъ я лечить по правиламъ науки; но замѣтивъ, что болѣзнь не уступаетъ, обратился съ вопросомъ объ его приходахъ, — сдѣлалъ дѣло, да уже поздно: общая водянка развернулась быстро и быстро убила его. Другаго же, страдавшаго сильнѣе перваго, я немедленно посадилъ на ту пищу, какую онъ самъ назначалъ, ведя леченіе своимъ порядкомъ. Ему давали то сырую рыбу, то свѣжую кровь, то вареную рыбу, то жиръ животныхъ, и все это въ перемежку. Какой же вышелъ результатъ? Человѣкъ видимо поправлялся, когда получалъ требуемое, видимо ухудшался, когда не успѣвали въ тотъ же день приготовить требуемое, и, наконецъ, больной совершенно выздоровилъ.

Такъ разобралъ я употребленіе сырой рыбы и свѣжей

крови; осталось еще обсудить брань остяковъ за то, что, «траву и кореніе аяху», Да неужели мы не ѣдимъ ни травы, ни кореньевъ, и именно въ сыромъ видѣ, а не въ варенномъ? Припомните всѣ наши и простые, и гастрономическіе обѣды, отъ рѣдки до пастарнака и салатовъ и потомъ скажите: правъ ли Есиповъ? Да кромѣ того самая природа, самая натура остяковъ, самія ихъ болѣзни—влекуть припасть къ землѣ и пожирать сырое ей: у остяковъ развитъ скорбуть, а природа дала во множествѣ дикой щавель, сѣвернѣе же, къ Туруханску, пихту и хрѣнъ, и то и другое сильное противоскорбутное средство.

Мы остановились, кажется, на пищѣ. Продолжаю мой рассказъ объ остякахъ. Утоливъ свою жажду и голодъ, онъ начинаетъ думать о семействѣ, беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ съ словами: «принеси дровъ, раскладывай огонь—будемъ жить весело». За тѣмъ укладывается и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ на цѣлый день, или до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ голода. Проснувшись, онъ снова требуетъ ѣсть и снова засыпаетъ. Вообще полѣниться и поспать остяки охотники.

До тѣхъ поръ, пока у остяка есть съѣстные припасы, онъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Если по извѣстному озеру, рѣкѣ, или рѣчкѣ, уловъ рыбы сталъ уменьшаться, остякъ снимаетъ свой чумъ и отходитъ на другое мѣсто. Словомъ, все лѣто проводить въ рыбной ловлѣ.

Занимаясь самъ ловлею, женѣ предоставляет онъ заготовленіе зимнихъ припасовъ, какъ то: *варки*, *юкалы* и *порсы*. Варка готовится такъ: варятъ въ котлѣ стерлядей, пока вода испарится и потомъ держать котелъ на слабомъ жару, пока рыба не завялѣетъ; юкала—сушеная на солнцѣ разная рыба: щуки, караси и язи; порса—всякая рыба, превращенная въ порошокъ. (*) Если, во время лѣта, жена не была рачительна къ хо-

(*) Слова: варка, юкала и порса вошли уже въ употребленіе и у русскихъ.

зайству и мало заготовила запасовъ на зиму, то семейству приходится питаться звѣринымъ мясомъ, завалыми или изъ подъ снѣга выбранными ягодами: рябиной, брусникой, черемухой и т. п.

Мнѣ говорили въ Енисейскѣ, «что какъ только наступать заморозки и первоснѣжье, оstackи углубляются въ лѣса, для звѣринаго промысла, гдѣ роютъ землянки, оставляютъ тутъ семейства, а сами выходятъ на промыселъ, возвращаясь, по временамъ, чтобъ принести добычу и навѣдаться». На дѣлѣ же я нашелъ значительно иначе. При первыхъ заморозкахъ и первому снѣгу, т. е., какъ здѣсь, съ 1 октября, вытаскиваютъ они изъ воды, съ береговъ, лодки, готовятъ нарты, луки, стрѣлы и пр.—словомъ заканчиваютъ прежнее дѣло и готовятся къ будущему; потомъ, около половины октября, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и были, выкапываютъ землянки, на аршинъ глубины въ землю, дѣлаютъ изъ толстыхъ жердей крышу съ отверстіемъ на срединѣ, для выхода дыму; въ это отверстіе выходитъ къ верху суживающаяся труба, обмазанная глиной; неподалеку отъ выхода, ставится, обмазанная же глиной, стѣна, разделяющая чумъ на прихожую и комнату чистую, въ которой полъ прикрытъ вывареной берестой; по сторонамъ печи придѣланы (оставивъ мѣста для проходу) скамьи, на которыхъ стоитъ посуда, а подъ ними живутъ собаки. Въ потолокъ или въ выходящей надъ землею боковой стѣнѣ сдѣлано окно, съ матовымъ стекломъ, т. е. льдиной; крышу забрасываютъ разными палками, потомъ травой и вѣтвями черной и, наконецъ, землею. Въ одну сторону дѣлается дверь, открывающаяся наружу, а чтобъ открыть ее—вырыто сколько требуется мѣста въ землѣ; надъ выходомъ же сдѣлана кровелька. Въ устроенной такимъ образомъ землянкѣ остается семейство около полуторыхъ мѣсяцовъ, пока не наступитъ настоящая зима, пока не придетъ въ свой лучшій видъ звѣрь и пока не вернется изъ лѣсовъ самъ хозяинъ оstackъ, уходившій отыскивать мѣста помѣщенія звѣрей. Во время же улова поздно будетъ дѣлать розыски, да и углубляться тогда въ лѣсъ, по случаю холодовъ, будетъ невыгодно. Окончивъ свое путешествіе, оstackъ оставляетъ землянку и отправляется со всей семьей

въ лѣса, останавливаясь вблизи звѣровыхъ мѣстъ, гдѣ разгребать снѣгъ и въ немъ ставить обыкновенный берестяной чумъ, прикрывая мерзлую землю хвойными вѣтвями и насыпая на нихъ въ средину чума землю, покрайней мѣрѣ на четверть толщины, чтобъ на ней безопасно можно было разводить огонь. Не подалеку отъ землянки дѣлается лабазъ, прикрытый отъ снѣга парусомъ, для всякой домашности, а гдѣ нибудь въ сторонѣ, иногда у самой дороги, другой лабазъ съ провіантомъ. О воровствѣ здѣсь не имѣютъ и понятія. На удивленіе мое, какъ безъ защиты у самой дороги оstantки оставляютъ провіантъ, крестьяне отвѣтили мнѣ такими взглядами, что я покраснѣлъ до ушей и не зналъ, чѣмъ бы вознаградить этихъ благородныхъ людей за свое оскорбительное подозрѣніе.

Отправляясь на звѣроловство, оstantкъ беретъ съ собой пищи столько, сколько можетъ увезти. Звѣриный промыселъ не есть настоящій его промыселъ, который бы онъ велъ съ охотою, со страстью, и который бы обогащалъ его, — нисколько; это скорѣе дѣло нужды, т. е. для пищи и для платы лсака въ казну, равно какъ и за забранный хлѣбъ. Въ случаѣ надобности оstantкъ ѣстъ всякаго звѣря, кромѣ колонка, горносталя, волка и лисицы. А на вопросъ мой — почему? — отвѣчали оспервыхъ двухъ, что скверно пахнутъ, а о двухъ послѣднихъ, что похожи на собаку, которую они ни за что не будутъ ѣсть. Интересно прибавить здѣсь оstantкія названія нѣкоторымъ звѣрямъ, напр.: лисица — каганъ, волкъ — хыйтъ, горносталя — кергенъ.

Упомянувъ объ ихъ домашнемъ устройствѣ по хозяйству, я забылъ сказать о собакахъ, бывающихъ не рѣдко съ хозяевами въ тѣхъ же зимнихъ чумахъ. Грязь, вонь и сырость непремѣнная принадлежности такихъ жилищъ, а затѣмъ и развитіе скорбута; но не смотря на то, женщины успѣваютъ выдѣлывать кожи, прясть нитки для сѣтей и шить все платье на мужей и на себя. Собакъ своихъ, такъ называемыхъ ѣзжалыхъ, они крайне берегутъ и кормятъ, какъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, потому что тамъ нѣтъ оленей, по неимѣнію для нихъ зимой подножнаго корма, т. е. тундристыхъ мховъ.

Къ концу зимы, едва весеннее солнце обогрѣетъ природу, начнутъ рыхлѣть снѣга, проваливаются ноги, а лыжи лишаются своей скользкости, и тогда остяки оставляютъ свой звѣриный ловъ, собираютъ чумъ, не заходя въ осеннія землянки, а спѣшатъ прямо на берега къ рыболовью, усиливаются пробивать пешнями ледъ, чтобъ запустить сѣти, и потомъ, въ случаѣ успѣха, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ жадности и наслажденія, впиваются въ первыя трепещущія рыбки! Съ помощью этой пищи, вмѣстѣ съ всеживительной весной, проходитъ уныніе духа, ослабленіе тѣла и скорбуть, послѣдній есть неминуемое слѣдствіе безостановочнаго жестокаго мороза для плохо защищенныхъ обитателей душныхъ и грязныхъ землянокъ и чумовъ.

О звѣриномъ промыслѣ я ничего не говорю, оставляя его до описанія тунгусовъ, какъ исключительно звѣролововъ.

Жизнь остяковъ состоитъ въ очень маломъ числѣ пожеланій, по общему закону: чѣмъ менѣе знаній, тѣмъ менѣе желаній. Понятіе о порокѣ мѣрится явнымъ зломъ, ущербомъ, а о добродѣтели—приносиною пользой.

Сонъ остяка легокъ и сладокъ, если у него есть пища, да жена хороша. При худомъ же уловѣ рыбы и звѣря, правительство открываетъ имъ, какъ усыновленнымъ сиротамъ, хлебные магазины.

Въ этомъ положеніи находятся остяки, не познакомившіеся еще съ промышленниками; но тѣ изъ нихъ, которые нашли между послѣдними друзей, пристрастны къ вину, картамъ и щегольству. Такой ужъ видно міровой законъ, что вмѣсто истиннаго просвѣщенія, принимаютъ сперва приглядныя, но порочныя стороны, —эти болѣзненные наросты на здоровомъ деревѣ.

Хотя остяки и отличаются (покрайней мѣрѣ теперь) болѣею плутоватостью, чѣмъ напр. тунгусы, но на звѣриныхъ промыслахъ показываютъ столько честности, что считается ими за постыднѣйшее преступленіе взять изъ чужой ловушки попавшагося звѣря; замѣченный же въ этомъ, лишается права быть съ другими въ сообществѣ.

Торговля ихъ отношенія состоятъ въ мѣнѣ, но какъ, боль-

шею частью, дѣлается мѣна, предоставляю за себя говорить самимъ крестьянамъ. Вотъ свидѣтельство объ этомъ туземныхъ жителей.

«Лѣтъ 25 тому назадъ, какъ бывало остяки понаѣдутъ въ нашу деревню, семействъ до 70 и болѣе, тутъ имъ и приготоуишь пивца, да съ шастой (*), кадушку ведеръ въ 15, да и позовешь ихъ, какъ будто въ гости, выставишь имъ пиво посередѣ двора и скажешь: «ну пейте за мое здоровье!» Они тутъ и ну пить за мое здоровье, сколько чьей душѣ угодно, сколько въ могоу войдетъ; а когда покснчатъ пиво, головы одурѣютъ и ужъ будутъ пьяны, то учнутъ, въ знакъ благодарности, накладывать въ кадушку, что осушили, то бѣлокъ, то горностаевъ, и наладутъ бывало полную.»

«Намъ прежде куды какъ хорошо бывало! и шаста, спасибо, много помогала. Извѣстно вина нѣтъ, хмѣлю то же, какъ быть? а съ трезвымъ не столкуешь—бѣда, какъ собачій сынъ торгуется! А какъ задашь ему пивца съ шастой, такъ и денегъ не просить: куды какъ на хмѣль падохъ!—А теперь не такъ-то скоро надуешь остяка, потому что понарусѣли. Да еще что же теперь: ежели данъ ему въ долгъ что изъ одежи, обуви или муки, то тово и гляди, что надуешь; а ежели прошелъ годъ тому долгу, то уже не смѣи и спросить, а то отвѣтитъ: «что ты, какъ чистой дуракъ, кислый долгъ спрашиваешь!» Если ужъ молвилъ «кислой долгъ», то и знай, что платежа небудетъ. Кислой по ихнему, что по нашему пропащій долгъ. Есть нѣкоторые остяки, что долгъ отдають, а все пароватъ за собой хоть немного оставить, да еще въ долгъ припросить по больше, съ тѣмъ намѣреніемъ, что хотя де и не отдамъ, такъ было бы покрайней мѣрѣ изъ за чего глазами хлопать. А просить на него куда пойдешь! Другой остякъ наберетъ въ долгъ хозяевъ у пяти, да какъ всѣ

(*) Слово шаста усвоено вполне русскими, потому что другого названія нѣтъ, а что такъ называется, скажу послѣ, что бѣ неперебивать крестьянской рѣчи.

придутъ къ нему требовать долгъ, онъ, бестія, потупить глаза въ землю и самъ себѣ подъ носъ толкуетъ: «гдѣ мой возьметъ; нѣтъ, послѣ будетъ!» И кто бы ни спросилъ—всѣмъ одинъ отвѣтъ. Ну вѣстимо спрашиваешь, спрашиваешь, ходишь, ходишь, такъ и бросишь, а онъ, бестія, наровитъ приискать жительство гдѣ нибудь при другой деревнѣ, подальше отъ нашей. Тамъ поди и ищи его: у него ужъ тамъ свои друзья, а тебя и знать не хочетъ.»

«Оно все бы ничего, да то бѣда, что на пиво то плохо подаются нынѣ. Когда станутъ на пиво бѣлокъ мѣнять, дашь ему ведро пива, а онъ и дастъ только двѣ бѣлки, да еще за малое ведро дѣлаетъ выговоръ: «твоя ведра мала! ну, мачка твоя ведра, давай больша, а эта ведра мала». Да съ ними много и не разговоришься нынѣ, потому что всѣ стали люди подказенные, должники вишь по хлѣбнымъ—то по запасамъ; вѣстимо и покупаемъ—то оттого тихонько, а то, пожалуй, на грѣхъ еще засѣдателя или кого пониже накличешь—хуже еще будетъ. Долгу на нихъ много; звѣрь ушолъ отъ этихъ мѣстъ дальше, да и сами остатки говорятъ (врутъ ли, правду ли). Будто имъ нельзя ловить болѣе двухъ тысячъ бѣлокъ—великій будто грѣхъ, въ другой разъ въ ловлѣ счастья nebudeтъ; а я такъ своимъ умомъ полагаю, что коли за разъ всѣхъ въ хорошій годъ перебьютъ, то и плода на прокъ nebudeтъ. Вотъ думаю причина—то».

Такъ рассказывалъ крестьянинъ. По моимъ удостовѣреніямъ, жи тутъ нѣтъ ни малѣйшей.

Вы остались только въ недоумѣніи, что за странное пиво, которое безъ хмѣлю одуряетъ, и что это за шаста?

Вотъ какъ она изготовляется. Сначала слѣдуетъ сдѣлать сладковатаго вкуса хлѣбъ, квасникъ; послѣ того заварить въ кадушкѣ пудъ ржаной муки и мелко искрошить заготовленный сладковатый хлѣбъ; за тѣмъ прибавить нипятку, наложивъ соломы или сѣна и, не плотно приходящійся къ кадушкѣ, кругъ; потомъ, раскаливъ нѣсколько простыхъ камней, бросать ихъ одинъ за другимъ въ кадушку не покрытую, пока заключенное въ ней закипитъ ключемъ; за тѣмъ дать устояться, и когда го-

тово —осторожно вынимать изъ кадушки стыръ (*) и мало по малу выпустить сусло и остудить его; за тѣмъ въ это сусло положить приготовленной какъ должно шасты, поставить въ печь въ большихъ котлахъ (вѣриѣ горшкахъ), варить до хорошаго кипѣнья, вынуть и остудить; за тѣмъ слить это въ кадушку съ остатками, прибавить чашки три дрожжей и дать укиснуть. По изготавкѣ, слить, шасту выбрать въ рѣшето и выжать; наконецъ дать устояться хорошенько, сливать въ боченки и, закупоривши плотно, ставить въ погребъ. Дней черезъ 15 будетъ хорошее пиво, но стоять можетъ, не теряя никакого изъ своихъ качествъ, до трехъ мѣсяцовъ. Шаста же собственно есть ничто иное какъ наростъ на сучьяхъ ели, (лишай); она во всякое время имѣетъ свою хмѣльную крѣпость, и замѣняя бывающій на другихъ деревьяхъ мохъ, походитъ формою на листья травы *мать и мачиха*. Запасовъ шасты не дѣлаютъ, потому что она есть во всякое время. Пиво съ нею здѣшніе жители варятъ обыкновенно во время страды, другіе же, кто по богаче, и ко всякому особому празднику или случаю, а главное къ выходу остяковъ изъ лѣсовъ съ мѣхами. Для варки въ пивѣ, шаста должна быть водахъ въ трехъ горлячыхъ вымыта и выжата, словомъ пока вода изъ красновато-грязной не будетъ оставаться чистою. Конечно отъ этого мытья и выжиманья теряется сила, но за то такая шаста, кромѣ пріятнаго одурѣнья, не оставляетъ ничего дурнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, тогда какъ отъ не мытой крѣпкой болитъ послѣ голова, какъ съ похмѣлья, и на языкѣ остается непріятный вкусъ.

Перейдемъ теперь къ семейной жизни остяковъ.

Рожденіе дѣтей не сопровождается ни какими обрядами. За-мѣчанію нѣкоторыхъ, что остячки часто умираютъ въ родахъ, вѣроятно, отъ постоянно грубаго обхожденія съ ними мужей,

(*) Стырь, т. е. тупоконный клинъ, вставляемый въ просвер-ленный въ кадушкахъ дырки.

я не нашелъ ни малѣйшаго подтвержденія.

Замѣчаніе, что бабничать некому, также относительно всѣхъ видѣнныхъ мною остяковъ, оказалось несправедливымъ: каковы бы ни были, а есть у нихъ свои бабушки, такъ что когда беременная остячка уходитъ за звѣремъ съ семьей въ лѣсъ, то уводить съ собой и бабушку. Мужчины жевъ этомъ толку не знаютъ и объяснить мнѣ ничего не могли, не смотря на все наше тѣсное взаимное расположеніе.

Съ поворожденными поступаютъ различно: одни, и большею частію, какъ у русскихъ, обливаютъ теплою водою и на вопросъ мой о холодной, всегда отвѣчали—«что ты бачка, мала онъ, заморозишь,» а другіе, живущіе дальше отъ русскихъ деревень и менѣе имѣющіе сношеній съ ними, погружаютъ (хоть и рѣдко,) подобно тунгусамъ, младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ нимъ. За тѣмъ вносятъ ребенка въ чумъ, обливаютъ снѣжной водою, завертываютъ въ теплыя оленьи кожи и кладутъ около дымящихся головешекъ въ берестяную зыбку. Видѣнные мною зыбки имѣли форму гробиковъ и висѣли на веревкѣ такъ, что голова была выше ногъ; ребенокъ былъ одѣтъ заячьей шкурой, а подъ нимъ находился слой древесныхъ опилокъ, отлично всасывающихъ всякую нечистоту и часто смѣняемыхъ.

Воспитаніе даютъ суровое. По прошествіи мѣсяца, кормятъ уже ребенка стертою въ водѣ вареной рыбой. Чуть покажутся зубки, передъ малюткой уже сырое оленье мясо и сырая рыба; даютъ этого впрочемъ не болѣе двухъ разъ въ день. До 12 лѣтъ водятъ дѣтей почти безъ всякой одежды, съ 12 приучаютъ стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, нарты, чумы и проч. Послушаніе къ родителямъ сохраняется нерушимо, но не по долгу кажется, а по необходимости слабого; войдя же въ возрастъ и крѣпость, нерѣдко, въ сердцахъ, дѣти бьютъ отцевъ, по праву сильнаго. Да это и неудивительно: когда же у христіанъ по названію, но не проникнутыхъ долгомъ христіанства, можетъ быть иначе? Съ 18 лѣтъ дѣти принимаютъ всѣ тяжести возмужалыхъ и не расстаются съ ними до смерти. Такъ

на станціи Комса, вскорѣ за моимъ прїѣздомъ, вбѣжалъ въ комнату престарѣлый, съ бѣлымъ на одномъ глазѣ и сильнымъ тускомъ на другомъ, остякъ, и съ крикомъ: «помоги бачка—съ голоду умираю!» бросился въ ноги. Блѣдное изъсиня лицо, слѣпота, согбенная фигура и крайнее рубище, дѣлали его весьма жалкимъ. Бывшіе тутъ крестьяне объяснили, что этотъ старикъ долженъ питать все семейство, что богачъ деревенскій Кр—въ занялъ всѣ лучшія рыболовныя мѣста и вблизи деревни болѣе не осталось мѣстъ, тогда какъ въ прежніе годы эти мѣста занималъ остякъ и слѣд., по праву, они принадлежатъ ему. Я велѣлъ позвать богатаго мужика и зная, что непринадлежу къ числу земскихъ, послѣдовалъ обычному своему правилу—удѣлывать дѣла, невозвысивъ голоса. Едва вошелъ Кр—въ, остякъ заголосилъ, что дескать смерти его хочетъ. Зная, какъ упрямы богачи, я попросилъ замолчать остяка и держалъ такой разговоръ съ гостемъ.

— Здравствуй другъ!

— Здравствовать желаю.

— Ты Бога знаешь и боишься?

— Какъ же.

— Остякъ слѣпъ?

— Слепъ.

— Онъ дряхлъ?

— Старъ.

— Семейство большое?

— Точно.

— Вѣдь онъ нищій? (При томъ я подалъ остику денегъ при словахъ—вотъ тебѣ милостина!)

— Правда, родимый!

(Замѣтите ужъ «родимый» въ ходу, значить поддается кремень.)

— Но неужели ты его—то ужъ грабить и голодомъ морить зачнешь?

— Никакъ нѣтъ—съ, В. В.б-дѣ!

(Величать началъ!)

— Такъ гдѣ же онъ съ семьей, слѣпой, возьметъ, когда и мѣстъ для ловли по близости нѣтъ, а прошлогоднія его всѣ ты занялъ?

— Я ему уступлю половину.

Въ это время остякъ, слѣдившій за всѣмъ, какъ крикнетъ: «невѣрь, бачка, невѣрь! не вретъ, такъ пусть дастъ честна рука!»

— Изволь, другъ! отвѣтилъ крестьянинъ.

Остякъ какъ бы помолодѣлъ, повыпрямился, бросился опрометью въ двери—съ крикомъ: «спасибо бачка,» и чрезъ нѣсколько минутъ легкая вѣтка далеко мчала на ту сторону стараго остяка.

Жена для остяка должна быть прежде всего хорошей работницей, а потомъ вѣрной женой. Вслучаѣ невѣрности, онъ съ ней неговорливъ, бьетъ и ругаетъ. Впрочемъ невѣрность рѣдко случается, конечно не по христіанской сознательности долга, а просто хоть по лѣности и не поворотливости остяка.

Бракъ остяка чистая покупка жены. Желаящій жениться на извѣстной дѣвушкѣ, идетъ къ отцу своей возлюбленной и прямо говоритъ ему: «я хочу жениться на твоей дочери». Затѣмъ начинается торгъ—сколько женихъ дастъ колымъ; обыкновенно же отъ 10 до 15 руб. сер. и болѣе, или на столько же мѣховъ. По этимъ некончается дѣло: довольный отецъ велитъ обратиться къ дочери. Тогда на невѣсту накидываютъ покрывало, и двѣ остячки садятся около нея. Приносятъ женихъ съ другими остяками (вѣроятно боярами) котелъ съ разными нарядами и проч., и ухаживать; невѣста откидывается и пересматриваетъ даръ, при чемъ, если находитъ недостаточнымъ, выбрасываетъ и садится по прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками (вѣроятно свахами). Женихъ со свитой входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, дополняетъ, перемѣняетъ и снова приносить. Въ видѣнныхъ мною двухъ случаяхъ невѣста оставалась недовольна и во второй разъ, и также выбрасывала. И все это молча: ни кто словечка не проронитъ. Женихъ снова собираетъ и уноситъ къ себѣ для допол-

ненія. Наконецъ, въ третій разъ, невѣста откидывала покрывало, пересматривала вещи, оставалась довольна, укладывала все въ порядкѣ обратно въ котелъ и садилась по прежнему. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло на ладу, и, радостный, остается въ томъ же чумѣ. Остатки снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ же женихъ съ невѣстой цѣлуются; женихъ беретъ ее за руку и отправляется въ церковь.

Возвратясь изъ церкви въ свой чумъ, или въ чумъ своего отца, женихъ дѣлаетъ пиръ, для чего созываетъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ и начинается угощеніе и главное конечно виномъ, если найдется. У г. Степанова (*) сказано, что бракъ, благословенный въ церкви, довершается при пылающемъ кострѣ, возліаніемъ Бахусу, пѣснями и плясками. Но здѣсь г. Степановъ не справедливъ, потому что никакихъ возліаній Бахусу нѣтъ; пѣсенъ тоже ни одной и ни какой нѣтъ, а кричитъ каждый все, что ему вздумается. Остатки вообще поютъ одну пѣсню: херъ, херъ, херъ, херъ, и все это однообразно выдыхательнымъ звукомъ горла, для котораго затылокъ долженъ пригибаться назадъ, а губы вытягиваться впередъ. Нельзя мѣшать только съ этимъ херъ—употребляемаго у другихъ инородцевъ, все таки двузвучнаго, ехоръ, или екоръ. Единственная пляска, если только можно назвать ее пляской, есть просто переминанье съ ноги на ногу, взявши другъ друга за руки. Между тѣмъ какъ у того же г. Степанова вовсе неупомянуто объ употребляющейся у остатковъ игрѣ *таморомъ*. Таморомъ называется шишка на концѣ стрѣлы, чтобъ убивать, неразрывая звѣриныхъ (напр. бѣличьихъ) шкурокъ. Игра состоитъ въ изученіи искусства стрѣльбы: для этого ставятъ они жердочку и отмѣриваютъ отъ 15 до 20 луковъ (**) пространства, гдѣ ставятъ вторую жердочку; раздѣляются на двѣ партіи и у каждой съ своей стороны отмѣрено тоже пространство. По жребію или уговору которая нибудъ сторона начинаетъ таморомъ стрѣлять въ среднюю жердочку, и если сразу попадаетъ, то вся

(*) См. ч. II стр. 65.

(**) Лукъ будетъ почти въ сажень.

партія за нимъ подвигается на лукъ, за тѣмъ второй выстрѣлъ и т. д., пока промахнется; послѣ чего начинаетъ уже стрѣлять вторая партія, также подвигаясь за каждой удачей на лукъ. Дѣло тутъ въ томъ, кто скорѣе подвинется къ мѣстѣ.

Такъ проводится время послѣ брачныхъ порядковъ. Впрочемъ бракъ не всегда освѣщается церковью въ свое время: иногда христіанскій обрядъ совершается и гораздо позже; тогда за грѣхъ не считается употреблять въ дѣло и шамановъ. Говорили мнѣ въ Енисейскѣ, что нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе обращенія остяковъ съ больными, что они бросаютъ захворавшаго безъ пищи и сами уходятъ. Я нашелъ здѣсь совершенно противное: не только больныхъ никогда не покидаютъ, но даже по нѣсколькимъ семействамъ, сколько ихъ бываетъ вмѣстѣ, сидятъ надъ нимъ и не ходятъ на промыселъ. Такъ что на вопросъ крестьянъ о томъ, почему бѣдны и безъ звѣря пришли съ ловли? отвѣчаютъ: «вотъ тотъ мужикъ болѣлъ, ну, все и сидѣлъ подлѣ». Зачѣмъ же вы такъ дѣлали?—Да какъ же: ушолъ всѣ, больной хуже, бѣдной, и пришолъ всѣ и больной лучше. Такъ по крайней мѣрѣ у остяковъ нижнеинбацкихъ. Случилось напр. по веснѣ видѣть: плыветъ остякъ въ вѣткѣ, а за ней волочится другая вѣтка. Что это у тебя?—Мертвой былъ зимусь, вотъ и везу его землю копать, отвѣчаетъ остякъ. Это похвальное качество, навѣрно, результатъ вліянія христіанства; но оно какъ будто сжилось съ понятіями ихъ, потому что на мои шутливыя замѣчанія, что надобно бросать, они смотрѣли съ удивленіемъ. Развѣ только страхъ отъ прилипчивой болѣзни заставляетъ ихъ поступать иначе. Для умершаго обыкновенною смертію вырываютъ могилу; тѣло покойника обвертываютъ въ бересту и зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ тою одеждою, въ которой онъ умеръ, и съ тѣми вещами, которыя ему принадлежали: лукомъ, стрѣлами, ножомъ и т. п.; иногда убиваютъ на мѣстѣ и погребаютъ собакъ тутъ же. Словомъ оставляютъ все нужное на случай оживанія умершаго, хотя никто еще не оживалъ. Боже! какъ высока идея о безсмертіи души: она не покидаетъ челоуѣка ни въ жгучихъ пескахъ юга, ни во льдахъ угрюмага сѣвера! нѣтъ, кажется, ни

одного народа, у котораго бы не проявилась эта идея, какъ бы это ни казалось бессознательно, какъбы ни была темна и смѣшна самая форма. Такъ или иначе, а идея эта непокидаетъ человека: летить ли съ дымомъ душа къ небу, витаетъ ли послѣ смерти по вѣтвямъ кущи и проч.—идея все одна. Профессоръ Берви говоритъ, что при кругосвѣтномъ путешествіи, онъ не встрѣтилъ ни одного народа, у котораго бы небыло какого нибудь задатка этой великой идеи.

О наслѣдствѣ у остяковъ могъ отчетливо добиться я только того, что все идетъ младшему, какъ слабѣйшему, тѣмъ болѣе, что старшій, если въ силахъ, долженъ жениться и жить своимъ чумомъ. Если же дѣти оба не велики и изъ чума не выдѣлены, то дѣлятся по поламъ, и въ такомъ случаѣ и руководить всѣмъ старуха, т. е. мать. Когда наслѣдство переходитъ младшему, то онъ долженъ и мать кормить всю жизнь, не выгоняя ея отнюдь, по крайней мѣрѣ тому мнѣ не сообщали примѣровъ. Послѣ бездѣтного покойника, наступаетъ старшій братъ, или ближайшій родственникъ; а родство считается въ первомъ колѣнѣ. Послѣ безроднаго остяка, имущество достается тому, кто его воспитывалъ, (*) или проживалъ съ нимъ долго вмѣстѣ, или кормилъ (**) его въ послѣднее время, или былъ при болязни и при смерти.

При похоронахъ остяковъ дозволяется плакать только женщинамъ, а мужчины обыкновенно останавливаютъ ихъ словами: «полно плакать, не реви, Богъ такъ дѣлаетъ.» (***)

Отпѣванье покойниковъ по христіанскому обряду происходитъ уже тогда, какъ остяки выходятъ на сугланныя мѣста, для уплаты ясака, или къ деревнямъ въ проѣздъ священника.

Енисейскихъ остяковъ считается не болѣе 900 д. обоего пола.

(*) Потому что сироты полныя раздѣляются по чумамъ родныхъ или знакомыхъ.

(**) Безпомощный сирота напр., старецъ, или собираетъ милостиню, и каждый по мѣрѣ силъ удѣляетъ ему бѣлки, или прямо принимается въ какой нибудь чумъ, гдѣ хоть караулить остается.

(***) Ужъ именно что такъ: лекарствъ они не имѣютъ и никогда ничего не употребляютъ.

Б, О ТУНГУСАХЪ.

Опуская вовсе историческія свѣдѣнія, составленныя по однимъ источникамъ съ кн. Костровымъ, равно и наименованія естественныхъ предметовъ, какъ-то: звѣрей, рыбъ и птицъ, перехожу прямо къ замѣткамъ.

1) На 79 стран. (*) сказано: «*Енисейскіе тунгусы называютъ себя всегда (?) Эвенъ-ки*». По Туруханскому краю сколько ни спрашивалъ я, отъ простолюдиновъ до людей учившихся, напр., священниковъ, уже не однократно живавшихъ съ ними, — это названіе не употребляется, а тунгусы просто называютъ себя «тунгусъ», съ прибавкой своего родового имени. Языкъ же тунгусовъ не многосложенъ, потому уже, что для отвлеченныхъ понятій въ немъ нѣтъ словъ.

2) О родахъ тунгусовъ, на стр. 86, съ увѣренностью и совершенно справедливо, опровергнуто мнѣніе г. Небольсина о номинальномъ будто бы только существованіи Долганскаго рода тунгусовъ; но я могу прибавить еще, что этотъ родъ есть, и до такой степени отличенъ отъ прочихъ тунгусовъ, что въ Туруханскомъ краѣ ни кто и не смѣшиваетъ его съ прочими тунгусами, а считаютъ этотъ родъ даже за особое племя.

За тѣмъ, на той же страницѣ сказано: будто бы «*Илимнейскій родъ бродитъ по Нижней Тунгускѣ, идѣ выходитъ и на суланы*». Это не справедливо: онъ бродитъ у Есейскаго озера; ссорится съ якутами, переселившимися изъ Якутской области, и старшины его вывозятъ ясакъ въ Туруханскъ, какъ и отъ рода Есейскаго. Прибавлю, что озеро Есейское вовсе не близко къ рѣкѣ Дудиной, и что численность этихъ родовъ опредѣлительно

(*) Эти страницы взяты изъ статьи кн. Кострова, помѣщен. въ Запис. Сиб. отд. кн. IV.

неизвѣстна; а такъ какъ они сами не выходятъ, а выѣзжаютъ только ихъ князцы съ ясакомъ, то численность и основана на ихъ показаніяхъ и на прежней ревизіи. Впрочемъ, если и допустить, что князцы уменьшаютъ численность, то надобно сказать, что тунгусы вообще ясакъ платятъ испразно, приговаривая: «царю—батюшкѣ надо; только вѣрно ль доставляютъ ему нашихъ хорошихъ соболей?» между тѣмъ какъ они же не охотно вносятъ недомку за хлѣбъ, полагая это уже дѣломъ начальства. Здѣсь же прибавлю, что обитатели мѣстъ при Есейскомъ озерѣ богаче другихъ родовъ.

3) На стр. 88 сказано: *«нѣкоторые и теперь вышиваютъ лица»*. Но въ Туруханскомъ краѣ этого невидѣвали теперь, не только у выходившихъ на сугланы, но и у не выходившихъ, какъ говорилъ мнѣ не однократно страждовавшій походный священникъ, достопочтенный отецъ Илья Новоспаскій.

4) Объ одеждѣ, на стр. 90, сказано: *«Обувь зимой—общезвѣстные лунты, а лѣтомъ русскіе чарки, нагрудникъ изъ кожи, шерстью сверхъ, вышитый бисеромъ»*. На это имѣю сказать слѣдующее: Во первыхъ, не изъ выдѣланной оленьей кожи (какъ сказано у автора), называемой ровдуга, дѣлается наружная нижняя обувь, а непременно изъ оленьихъ камысовъ, т. е. кожи, снятой съ ногъ оленя, съ сохраненіемъ шерсти, обращенной наружу; они достигаютъ высоко за колѣна и называются *сотуры*. Во вторыхъ, по прибытіи въ деревню, ихъ снимаютъ и надѣваютъ, изъ камысовъ же сдѣланныя, менѣе и легче сотуровъ, *бокари*. Въ третьихъ, лѣтомъ русскихъ чарковъ, напротивъ, не любятъ: они не по натурѣ тунгуса легкой, верткой быстрой, но слабосильной и безъ выдержки къ тягостямъ; а надѣваютъ обыкновенные лунты, изъ выдѣланной дыmlенной кожи, хорошо и легко обтягивающіе ногу. Въ четвертыхъ, нагрудникъ дѣлается шерстью не сверхъ, а внизъ или и вовсе безъ шерсти. Это очевидно или ошибка, или опечатка. Здѣсь же прибавлю, что тунгусы носятъ еще, сверхъ нагрудника, неревязъ; а у женщинъ виситъ еще на ремнѣ скобообразное желѣзко, вершка въ

три; назначеніе этого желѣзка состоитъ въ томъ, что бы удерживать вещи, надѣтыя на ремень, а именно: наперстокъ безъ дна и цилиндрическую, въ палецъ толщины и вершка въ три длины, трубочку, со вставленнымъ въ нее искусно ремешкомъ, на которомъ укрѣплены иглы, нитки и жилы для шитья, приготовляемая выѣтриваньемъ и разминаньемъ изъ такъ называемаго оленьяго льна; между тѣмъ какъ изъ ножныхъ жилъ готовятъ веревки и этихъ послѣднихъ, очевидно, женщина не можетъ носить въ трубочкѣ. Въ лѣтнее время, дѣвицы ходятъ съ открытыми головами, молодухи съ русскими платками на головѣ, полученными въ калымъ, а другія женщины съ вѣнками изъ бѣличьихъ хвостиковъ, нанизанныхъ одинъ къ другому, такъ что они составляютъ кругъ, а круги эти прикладываются одинъ къ другому слоями, и составляютъ вѣнокъ.

5) На стр. 91 сказано: *«Чумъ обтягивается берестю или выдѣланными кожами сохатыа»*. Замѣчу, во первыхъ, что бересту тунгусы для того не употребляютъ никогда, и это составляетъ исключительную принадлежность остяковъ, о чемъ, вмѣстѣ съ описаніемъ способа приготовленія для того бересты, сказано мною въ ст. объ остякахъ; во вторыхъ, обтягивается чумъ лѣтомъ «ровдугой», т. е., выдѣланной оленьей кожей, а зимой—безъ выдѣлокъ, съ шерстью; въ третьихъ, относительно Туруханскаго края, прибавлю, что у тунгусовъ и сохатыхъ вовсе нѣтъ.

6) На той же стр. сказано: *«Затащить жить въ русскую избу нѣтъ ни какой возможности... Новорожденнаго моютъ въ снѣгу... Смысливые крестыяне на перерывѣ напрашиваютъ въ крестные отцы»*. Замѣчу, во первыхъ, что туруханскій тунгус не только не отказывается, но даже любитъ изрѣдка пожить и полѣниться въ русской избѣ; только сами устроиваться также не желаютъ. Во вторыхъ, постоянно говорятъ священникамъ при крещеніи: «за чѣмъ, батяка, малой въ холодную воду—худо ему будетъ», тогда какъ, казалось бы, по обычаямъ, нечего бояться простуды. Въ третьихъ, тунгусы такъ испуговались, что не только крестные отцы отъ нихъ многимъ не поживятся, но

они сами, на противъ, требуютъ назойливо отъ крестнаго отца и того и другаго, т. е., и подарковъ, и угощеній всякихъ, особенно вина, и, наконецъ, квартиры и прокорму даромъ.

7) На 92 стр. сказано: *«Даютъ дѣтямъ имена какихъ вздумается предметовъ, прежде имени христіанскаго»*. Прибавлю къ этому, во первыхъ, что первыя имена назначаются или родителями, или шаманомъ и соответствуютъ времени года, или вообще какимъ нибудь обстоятельствамъ, современнымъ рожденію. Напр., одна женщина названа *Подпаль*, потому что родилась въ то время, когда бѣлка носила тоже названіе (*); во вторыхъ, когда человѣкъ приходитъ въ возрастъ, онъ получаетъ другое названіе, по своимъ свойствамъ, достоинствамъ или недостаткамъ, а потому, при спросѣ имени, рѣдкій отвѣчаетъ за себя, и ждетъ наименованія отъ сотоварища,—самъ же только улыбается; въ третьихъ, имѣя такимъ образомъ часто по два имени, кромѣ христіанскаго, и называясь то тѣмъ, то другимъ, они производятъ путаницу, такъ что при крещеніи одинъ и тотъ же записанъ подъ однимъ именемъ, а въ ревизскихъ сказкахъ подъ другимъ; въ четвертыхъ, тунгусы очень любятъ наши величанья по отцѣ тунгусы и огорчаются, если ихъ не употребляютъ.

8) На той же страницѣ сказано: *«Люльки дѣлаютъ сами, сшивая ихъ изъ кожи сохатаго и украшая бисеромъ... Въ перекочевкахъ, люльки обыкновенно висятъ у матерей за плечами»*. Ни то, ни другое не такъ. А для подтвержденія моихъ замѣтокъ, приведу живой рассказъ очевидца въ Богучанахъ.

«Пріѣхалъ я, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по должности, на сугланъ, т. е. сборное мѣсто для мѣны; между множествомъ раскинутыхъ чумовъ, случилось въ первый разъ увидѣть въ снѣгу яму, окруженную жердочками, на 4 колахъ, и разведенный въ ней огонь;

(*) Различіе бѣлокъ по сортамъ объяснено въ особой ст. моей о звѣроловствѣ.

это называется «гулимъ», и служитъ мѣстомъ сбора на совѣщанье; сюда утромъ сходятся сами олени—будто сказать, что кончили пищу, и тогда тунгусы сѣшаютъ рубить для нихъ ельникъ и пихтовникъ съ мохомъ; около каждого чума ставятъ, съ наружи, турсуки съ имуществомъ и никто не смѣетъ прикоснуться къ нимъ изъ опасенія, чтобъ не хватились за палму съ словами: «а, ты воръ, мой амбаръ тронулъ!» Изволите видѣть, вещи, снаружи чума поставленные, называютъ амбаромъ. Однажды, раннимъ утромъ, видѣлъ я у гулима два существа скорченныхъ, сѣдыхъ, съ столпами на головѣ клочками, съ морщинами чуть ли не въ палецъ. Я ужъ думалъ не черти ли это? Странно, право: ничего не слышатъ, а звѣря продаютъ! какъ же это? Оказалось, что есть у тунгусовъ достойный обычай давать по два звѣря каждого сорта старцамъ, которые уже не въ силахъ промыслять, тогда какъ по одному откладывается для шамана. Вошелъ я въ чумъ; вижу, тунгуска шьетъ и поталкиваетъ рукой какую-то штуку, покачивающуюся отъ того изъ стороны въ сторону передъ огнемъ; эта вещь меня заняла, потому что показалось въ ней будто лицо младенца. И дѣйствительно—то была зыбка. Она дѣлается такъ: сколачиваются доски деревянные, на подобіе гробика, вверху, съ трехъ сторонъ, придѣлывается ровдуга, обведенная спереди обручемъ и обдѣланная бисеромъ и другими украшеніями; самый же ящикъ снаружи обить оленьей кожей, шерстью вверхъ, и очевидно не можетъ украшаться бисерной вышивкой; вмѣсто крышки придѣлано съ двухъ сторонъ по лоскуту ровдуги, стягивающихся между собою ремнями; подъ головкой ребенка, съ цѣлью защиты отъ простуды, лежитъ кусокъ зайчины; чистота въ зыбкѣ соблюдается съ помощью высыпаемыхъ мелкихъ гнилушекъ таловыхъ, отличающихся мягкостію и хорошо впитывающихъ всякую сырость; у сѣуженнаго бока зыбки, т. е., гдѣ ноги ребенка, придѣлывается колъ, вставляемый въ землю и вверху за обручикъ привязываемый къ жерди, на которой и качается зыбка свободно изъ стороны въ сторону, при чемъ ребенокъ остается головкой въ ту сторону, гдѣ разведенъ огонь. Видно они не знаютъ правила великаго Гиппократы—держатъ голову въ холодѣ,

желудокъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ! Въ другой день обратило мое вниманіе бѣготня изъ чума въ чумъ. Оказалось, что въ одной семьѣ очень больна двухъ-лѣтняя дочь и что потому торопятся наготовить одежду и проч., словомъ все, что должно бы идти взрослой дѣвицѣ. Одежду нашли всю изъ новаго, но перерѣзали въ разныхъ направленіяхъ; приготовили ей огниво съ призадлежностями, но отожгли его; отсчитали изъ стада на ея долю оленей, но одного зарѣзали, а другихъ подводили къ больной, протыкали имъ ноздри, и утыкая окровавленной мордой въ ребенка, пачкали его кровью. Всему этому я не мало удивлялся, но это плодъ великой идеи о безсмертіи души и загробной жизни. Видите ли какая хлопотливость: умершей нельзя жаловаться, что ее обидѣли, что не дали одежды, (которая бы прикрыла отъ холода), лыжъ, лука и стрѣлъ (добывать птицу), оленей (обзавестись дощикою); а между тѣмъ страхъ смерти, особенно при разительныхъ болязняхъ, беретъ свое, и потому, неминуемо, всюду является хитрость: одежда изрѣзана и плохо защититъ отъ холода; на лыжахъ, хоть и новыхъ, но испорченныхъ, умершая ихъ уже не догонитъ, лукъ испорченный, съ перерѣзанной тетивой, ни кого не подстрѣлитъ; олени уступлены ей, но какъ? одинъ зарѣзанъ, что бѣ мясо употребить на поминки и шкуру повѣсить на дерево надъ гробомъ, а другіе остались живы и только кровью ихъ попачкана умершая. Такимъ образомъ во всемъ тутъ двѣ цѣли: съ одной стороны, старанье надѣлать вѣтъ, что бѣ умершая за гробомъ на нихъ не жаловалась, съ другой же—страхъ, и за тѣмъ хлопоты, что бѣ она не догнала. Последняго такъ боятся, что снимаютъ чумъ и переносятъ на другое мѣсто немедленно по смерти. Идея о безсмертіи души доказывается и тѣмъ, что однажды, когда шаманъ сказалъ тунгусамъ, что русскіе собираютъ висящія у гробовъ шкуры, они пришли ко мнѣ жаловаться, съ приложеніемъ соболя въ подарокъ. Соболя взять мнѣ было совѣстно, тѣмъ болѣе, что хотѣя объещать запретить русскимъ эту покражу, но только для успокоенья, а на дѣлѣ услѣдить за такими пустяками по дремучимъ лѣсамъ конечно было не возможно. Сила привычки такъ велика, что

за отказъ принять соболя, на меня же обидѣлись и неотступно просили взять, приговаривая: «не брезгай, бачка, не брезгай». Да и крестьянинъ считаетъ эту кражу, кажется, не иначе, какъ за находку, и потому онъ дѣлаетъ это по его убѣжденію не противу совѣсти. Дѣло въ томъ, что у нихъ могилы не въ употребленіи и вещи, слѣдовательно, не спрятаны, а дѣлается лабазъ, т. е. прискиваются два дерева, вблизи одно отъ другаго, потомъ срубаютъ колоду, длиною нѣсколько болѣе разстоянія между деревьями, выдабливаютъ въ ней мѣсто для покойника, а въ концахъ проверяются дыры, которыми и надѣваютъ колоду съ покойникомъ на срубленные верхушки деревьевъ и обвѣшиваютъ подготовленными принадлежностями. Да и сучья у деревьевъ часто обрубаютъ, чтобъ спуститься не могъ. Хотя домашняя жизнь, со всѣмъ имуществомъ, вѣтрается женщинѣ, но, при перекочевкахъ, малютки поручаются чуть-ли не болѣе оленямъ: олень везетъ его на спинѣ (а не женщина за спиной), на перевѣсѣ съ *патакулями*, т. е. сузами, сдѣланными изъ оленьихъ камысовъ, сшитыхъ вмѣстѣ такъ, что внизу уже, а сверху шире и верхняя половина дѣлается изъ ровдуги, вышитой посредствомъ китайки и обшитой фигурно оленьей кожей. Замѣчательно, что олень исправляетъ въ дорогѣ очень удовлетворительно и заботливо должность няньки: возможно изгибаясь, онъ бережется задѣтъ о дерево тѣмъ бокомъ, на которомъ виситъ ребенокъ и если ребенокъ заплачетъ въ то время, когда олень привязанъ къ дереву, онъ начинаетъ копытить той ногой, на которой сторонѣ виситъ ребенокъ, чрезъ что покачиваетъ его и успокаиваетъ, а если привязаны еще у того же бока, на ремнѣ вздѣтыя въ видѣ кисти, косточки, то онѣ, при сотрясеніи, побрякиваютъ и развѣкаютъ ребенка».

Такъ вотъ что говорятъ очевидцы.

9) На той же стр. описана свадьба. Считаю нужнымъ къ тому прибавить еще слѣдующее. Бываетъ и такъ, что отцы берутъ женъ сыновьямъ, безъ всякихъ со стороны послѣднихъ объясненій. Почтенный отецъ Илья встрѣчалъ на Есейскомъ озерѣ 13 лѣтнихъ тунгусовъ, женатыхъ уже 3 года. У тѣхъ же родовъ,

кои болѣе богаты оленями, даютъ въ калымъ не по 10, а по 40 и болѣе головъ, а платежъ деньгами менѣе употребителенъ. Изъ блюдъ свадебныхъ болѣе деликатнос угощеніе составляетъ каша съ медвѣжьимъ саломъ. Кромѣ того употребительны слѣдующія: а) *порса*, приготовленная изъ сала съ мясомъ, перетолченныхъ и высушенныхъ,—это вкусно: б) *уликта*,—сушеное мясо, вовсе безъ соли,—это не вкусно; в) лакомятся также тѣмъ, что порсу мѣшаютъ съ ягодами и ѣдятъ прикусывая оленьимъ саломъ (*).

10) На 94 стр. сказано: *«Имѣть болѣе одной жены теперь почти вывелось»... «Существуетъ ли обычай уступать женъ на время промысла, (какъ пишетъ г. Степановъ), не извѣстно.* На все это скажу слѣдующее: у туруханскихъ тунгусовъ очень часто имѣется по двѣ постоянныхъ жены; такъ что старый тунгусъ женится вторично на молодой, а старая смотритъ за хозяйствомъ, не по той ли теоріи, чтобъ поддержать жизнь мужчины свѣжими соками молодой жены. Жена не можетъ ѣсть иначе, какъ ужъ остатки, и только въ гостяхъ уравнивается въ этомъ отношеніи съ мужемъ. Фактъ уступки на время женъ для другихъ сомнителенъ: этотъ народъ ревнивъ и дѣвушка съ худой молвой, всегда обѣгается. Они про такую обыкновенно говорятъ: «пусть ее русскій возьметъ—мнѣ не надо». Развѣ только о тунгусахъ южныхъ, обитающихъ около золотыхъ промысловъ, можно предположить, что за *рака*, т. е. дорогую и соблазнительную водочку, онъ готовъ все уступить. Малолѣтнимъ же дѣтямъ не только не запрещаютъ пить вино, а, напротивъ, для нихъ просятъ, приговаривая: «какъ маленькимъ добро тако не дать—надо, надо!»

11) На стр. 96 сказано: *«Туруханскіе тунгусы сожигаютъ мертвеца... А на стр. 95, что они рѣдко доживаютъ до 60—70 лѣтъ».* На это замѣчу: въ дальнихъ мѣстахъ, особенно у

(*) Последняя пища чрезвычайно походитъ на приготовленіе въ Сѣв. Америки такъ называемаго «пимекена», состоящаго изъ толченаго буйволага мяса съ примѣсью черники и другихъ ягодъ. Прим. Р-а.

Ессейскаго озера, отецъ Илья видѣлъ много 80 лѣтнихъ старцевъ—тунгусовъ и даже еще старѣе, и что здѣсь вовсе не слышно о сожиганіи, развѣ прежде это бывало, да и больныхъ никогда не бросаютъ на произволъ, а если и случается, то развѣ только при болѣзняхъ заразныхъ.

12) На стр. 100 сказано: *Названы тунгусы честными и неумолимо дѣльнымими*. Въ какомъ размѣрѣ понимается здѣсь честность? Известно, что тунгусы плутовать не откажутся, а о долгахъ, если прошолъ годъ и болѣе, толкуютъ какъ о кнломѣ долгѣ, который стыдно и спрашивать. Известно также, что они и лѣнны, и это обстоятельство есть одна изъ причинъ худаго лова звѣря: изъ 60 человекъ, развѣ только 10 промысляютъ, а остальные пользуются отъ нихъ уже, потому лѣтянъ обыкновенно выжидаютъ—скоро ли пойдутъ известные звѣроловы на промыселъ; они идутъ за ними слѣдомъ и подбираютъ каждую ихъ добычу, а не уступить нельзя по укорененному убѣжденію, что это Богъ даетъ на его счастье. Этотъ обычай можетъ уморить съ голоду и лучшаго звѣролова, если подбиратели не подѣлятся съ нимъ и той добычей, которая идетъ въ пищу. Эта же лѣность заставляетъ ихъ иногда по долгу жить на одномъ мѣстѣ, и тогда, вмѣсто обыкновеннаго чума, устраивается у нихъ уже деревянная балага. Для этого разгребаютъ землю и дѣлаютъ въ родѣ чума, человекъ на 20, изъ половинокъ деревьевъ, прикладывая ихъ одну къ другой, потомъ снаружи кладутъ мохъ и снѣгъ, чтобъ не продувало. Внутри балаги, передъ дверью, стоитъ сошка, на которой виситъ палка для вѣшанья котловъ.

13) На той же стр. сказано: *«О мѣсяцахъ, недѣляхъ и дняхъ недѣльныхъ не имѣютъ ни какого понятія»*. Правда, что и сѣверные тунгусы не имѣютъ названія недѣль и дней, но интересно то, что есть у нихъ 13 мѣсяцевъ, по кругообращеніямъ луны, съ названіями по временамъ года и замѣчательнымъ для нихъ явленіямъ, напр., по явленію оленей, по таянью льда и проч.

Вотъ роспись тунгусскихъ мѣсяцовъ.

Число мѣся- цевъ лунн.	Тунгусское название мѣ- сяцевъ.	Значеніе названій мѣся- цевъ по тунгускому поня- тію.	Равенство лун- ному теченію рус- скихъ мѣсяцевъ.
1.	Мочунъ.	То время, когда трава только что пробьется.	Маю и Іюню.
2.	Чарулинъ	Когда изъ деревьевъ сокъ добываютъ люди.	Іюню и Іюлю.
3.	Канякичъ.	То время, когда сарану копаютъ себѣ въ пищу.	Іюлю и Августу.
4.	Иркинъ	Въ это время олень бы- ваетъ жирный; комаровъ мало будетъ.	Августу и Сентябрю.
5.	Сирюданъ (*)	Вода начинаетъ холодѣть, а въ концѣ мѣсяца станеть мерзнуть.	Сентябрю и Октябрю..
6.	Уунъ.	У оленя дѣти бываютъ.	Октябрю и Ноябрю.
7.	Хукдарпѣ.	День самый короткій, темная ночь въ Турухан- скомъ краѣ.	Ноябрю и Декабрю.
8.	Атки.	День станеть прибавляться.	Декабрю и Январю.
9.	Мира.	То время, когда у оленя небольшая въ брюхѣ го- ловка (плодъ).	Январю и Февралю.
10.	Гираунъ.	Люди дикаго оленя гонять будутъ; человекъ свободно бѣжитъ по насту, а олень проваливается.	Февралю и Марту.
11.	Октанкыръ.	Снѣгъ протаиваетъ.	Марту и Апрѣлю.
12.	Туранъ.	Когда (въ Туруханскій край) вороны начинаютъ прилетать.	Апрѣлю.
13.	Шонканъ.	Ледъ ломается и очища- ются рѣки.	Маю.

(*) Тунгусы раздѣляютъ годъ на два времени: *юганы* и *анья-ны*. Первое состоитъ изъ шести мѣсяцевъ: мочунъ, чарулинъ, канякичъ, сирюданъ и шонканъ, а второе изъ остальныхъ семи.

Роспись эта составлена походнымъ священникомъ отцемъ Ильей Новоспаскимъ, со словъ тунгусовъ. По этимъ мѣсяцамъ онъ передалъ имъ о времени главныхъ изъ христіанскихъ праздниковъ.

Тунгусы считаютъ лѣто и зиму за два года, а если нужно имъ высчитать вѣрнѣе дни въ мѣсяцѣ, то они дѣлаютъ рубежки на палкѣ. Названій дней у нихъ нѣтъ.

14) На 101 стр. сказано: *«Смѣло плыветъ на маленькой лодкѣ, на которой другой не сдѣлалъ бы и пяти сажень... Рыбу на значительной глубинѣ бьетъ на стрѣлю»*. Къ этому считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о самой лодкѣ, совершенно отличной отъ остяцкой, употребляемой русскими—вѣткѣ, а именно: она дѣлается изъ бересты, длиною аршина въ два, шириною въ три четверти, съ дномъ плоскимъ, покрытымъ подлинѣ тончайшими, деревянными пластинками, на тотъ случай, что береста въ ширину можетъ расколоться; съ боками изъ бересты, приделанными къ дну подъ прямымъ угломъ, вышиною вершка на четыре, съ концами тупоугольными и съ реслами узкими и тонкими. Тунгусъ въ ней можетъ плыть весьма быстро и черезъ рѣку. Не видно—съ какой цѣлью стрѣляютъ рыбу? Если авторъ хотѣлъ показать искусство стрѣльбы, то ясное было бы сказать, что тунгусъ ловко бьетъ рыбу даже на самой глубинѣ; если же въ смыслѣ особаго рода ловли рыбы, (какъ и выходитъ по расположенію словъ), то о немъ не слышно.

15) На стр. 103 сказано: *«Олень зимой самъ добудетъ себѣ пищу, откопавъ изъ подъ снѣга... Оленей въ нарты не запрягаютъ... Ъдятъ всякаю зѣрло»*. Замѣчу, что это описаніе вѣрное для болѣе южныхъ мѣстъ, не такъ приложимо на сѣверѣ, гдѣ въ глубокихъ снѣгахъ оленю трудно докопаться до кормовъ, а потому тунгусы срубаютъ для нихъ сами вѣтки деревьевъ съ мхомъ. Здѣсь стали уже по нуждѣ приучать оленей и къ запряжкѣ въ нарты. Тунгусы разборчивѣе въ пищѣ остяковъ, и нѣкоторые роды ихъ не ѣдятъ даже бѣлку.

16) Князь Костровъ въ ст. своей упоминаетъ «о звѣролов-

ствѣ и рыболовствѣ какъ единственныхъ промыслахъ и занятіяхъ тунгусовъ. Но не мѣшаетъ употребить слово *частью*, говоря о рыболовствѣ, чтобъ отличить ихъ отъ остатковъ, для которыхъ, напротивъ, основное занятіе составляетъ рыболовство. Но не всюду же тунгусы таковы: вблизи енисейскихъ промысловъ, они уже рѣдко приносятъ свѣжую рыбу, птицу, соболой и оленье, а большею частью промѣняли эти занятія на другія, болѣе выгодныя и сподручныя для ихъ жизни. Занятія ихъ въ настоящее время состоятъ въ отысканіи золотоносныхъ розсыпей, или въ указаніи содержащихъ золото мѣстъ; въ проложеніи прямой дороги съ промысловъ на какую нибудь резиденцію (*); въ перевозкѣ на промысла небольшихъ тяжестей на оленихъ, по самому кратчайшему направленію, особенно въ случаѣ крайней нужды, при недостаткѣ лошадей, или при худыхъ дорогахъ; въ кошеніи сѣна и рубкѣ дровъ; тунгусы также служатъ какъ проводники въ указаніи заблудившимся поисковымъ партіямъ. Эти, по видимому прибыльные, работы оказались вовсе не по плечу тунгусу, потому что, при легкости и проворствѣ, онъ не любитъ постоянной натужной работы. За все свои труды, тунгусы большею частью удовлетворяются виномъ, а за тѣмъ мукой, солью, чаемъ, сахаромъ, табакомъ, сукнами, холстомъ и т. п. Здѣсь интересно бы заняться современнымъ и для гг. золотопромышленниковъ интереснымъ вопросомъ: свободны ли были, или принадлежали тунгусамъ земли, занимаемыя теперь золотыми промыслами, и какія мѣста принадлежать какимъ родамъ; далѣе: на какомъ основаніи владѣли тунгусы, (если владѣли), т. е. на основаніи ли жалованныхъ имъ грамотъ, по отводу земель, или вслѣдствіе просто захвата поземельной собственности? Я спрашиваю: можно ли считать право владѣнія потому только, что инородцы произвольно взяли землю, сколько имъ было угодно? Наконецъ интересно знать: въ какой степени золотопромышленность имѣла вліяніе на объединѣніе тунгусовъ,

(*) Заведеніе съ конторою, находящееся въ центрѣ между городомъ и промысломъ, какъ правленіе, заведывающее доставкой всѣхъ припасовъ и снарядовъ, расчетомъ людей и проч.

оттѣсненныхъ отъ своихъ родныхъ мѣстъ и должны ли искатели золота заплатить имъ (если не платили), а также обязаны ли вносить за нихъ накопившуюся, во время существованія на ихъ земляхъ промысловъ; недоимку? Вотъ вопросъ, который навѣрное и былъ уже возбужденъ между правительствомъ и золотопромышленниками; но обсужденіе объ этомъ предметѣ предоставляю администраторамъ.

17) На стр. 104 сказано: *Главный языческій богъ тунгусовъ названъ «Шеваки-Окжари»* и нарисованъ, какъ «*мужчина среднихъ лѣтъ*» и проч. Правда, я незнаю тунгускаго языка, но всетаки считаю долгомъ сказать, на случай, что тотъ же много уважаемый пастыръ называлъ мнѣ этого бога иначе: «Шеваки-Окжари», что въ переводѣ будетъ значить икона—небо, слѣдовательно, этимъ именемъ, по его мнѣнію, называется богопочитаніе видимой тверди, а обрисовки этого божества человѣкомъ онъ не слышалъ. Главнымъ же дѣтелемъ религіи тунгусовъ и предметомъ ихъ вѣрованій является шаманъ. Это ихъ пророкъ, ихъ жрецъ—прорицатель, ихъ докторъ. Вліяніе шамановъ, нѣкогда бывшее безусловно магическимъ, не только у тунгусовъ, но даже и между русскими туземными обитателями, теперь ослабѣваетъ. Нынѣ онъ по большой части призывается къ больнымъ и этимъ главнѣе всего поддерживаетъ свое вліяніе надъ тунгускими умами.

Призываемый къ больному, онъ долго не соглашается шаманствовать. Согласившись—является, нѣсколько дней не ѣстъ, не пьетъ, получаетъ болѣе и болѣе таинственно—мрачный видъ и ждетъ, пока не сидеть на него вдохновеніе. Чувъ приливъ въ себя особыхъ чародѣйственныхъ силъ, шаманъ съ вечера кладетъ себѣ въ голову отъказъ (*) и ножъ. На основаніи видѣній, приснившихся ему, онъ приказываетъ изъ гнилья сдѣлать до аршина величиной тотъ или другой родъ *лекановъ* (божковъ); а въ углубленія на мѣстахъ глазъ, вставляетъ имъ синіе или желтые

(*) Замѣняющій русскую рогатину.

корольки. Потомъ велить разгрести снѣгъ, загородить отъ вѣтру вѣтлями и разложить огонь; за тѣмъ, вокругъ огня кладетъ деревянные изображенія рыбъ, а противъ больного вѣшаетъ деревянную же птицу. вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ убить оленя или двѣхъ. Мясо отдаетъ на сѣденіе. Ухо животного, либо голову вѣшаетъ около больного; а кишки или бѣлку развѣшиваетъ на дерево, какъ жертву. Растягиваетъ около больного также и шкуру, снятую съ оленя. Снимаетъ камысы и если ноги болятъ, то дѣлаетъ какъ бы животную баню, потому что обкладываетъ ими ноги больного. Кровью свѣжою обмазываетъ болящія части и кровь за тѣмъ слизываетъ. Той палкой, обтянутой желѣзнымъ листомъ, которою бьетъ въ бубенъ, шаманъ поколачиваетъ по больной ногѣ. Если же болятъ не окончечности, а другія части, то дѣлаетъ на болящемъ мѣстѣ кругъ, въ кругѣ крестъ кровью и кровь за тѣмъ слизываетъ. Кости ногъ животного обыкновенно разбиваетъ и мозгомъ мажетъ болящія части, а если есть у шамана пособники подпѣвальщики, то мозгъ сѣдаютъ уже они. Шаманятъ иногда и надъ только что пойманнымъ живымъ тайменемъ; потомъ рыбу сѣдаютъ, а на деревѣ вырѣзываетъ шаманъ подобіе этой рыбы.

Я не стану здѣсь описывать всѣхъ продѣлокъ шамана, его скачковъ, прыжковъ, метаній въ разныя стороны, дикихъ вскрикиваний, ударовъ въ бубны и проч. Всѣ эти неистовства шаманъ производитъ будучи одѣтъ въ особое платье, на которомъ нашито множество желѣзокъ, изображающихъ птицъ, звѣрей и другихъ самыхъ разнообразныхъ побрякушекъ; платье шамана такъ тяжело, что его слабосильный и не подниметъ. Въ заключеніе акта шаманства, шаманъ совершенно ослабѣваетъ, черты лица его страшно искажаются и онъ падаетъ безъ чувствъ, такъ что его стараются отшаманить, и для того бросаютъ въ огонь ладонь. Суевѣрные убѣждены, что лучшіе шаманы вылетаютъ изъ чума на воздухъ. На завтра, очнувшись, объявляетъ шаманъ, живъ будетъ или умретъ больной.

Приведу здѣсь разсказъ одного моего знакомаго казака,

бышлаго разъ до 10 при шаманствѣ. «Много пришло насъ въ темную юрту. Въ рукахъ у шамана была лопаточка, въ видѣ щетки, изъ оленьяго волоса. Вотъ онъ скачетъ, скачетъ, да и броситъ лопатку; кому броситъ, тотъ долженъ подать, хотъ и изъ русскихъ, потому что доскать—это шаманъ. Ну, а кто его знаетъ, что за шаманъ и какъ его знать. Всѣ недристи сидятъ мирно; а если есть тутъ же изъ старухъ, либо вообще изъ женщинъ, шаманки, то ужъ не утерпятъ, а начнутъ хотя бы на одномъ мѣстѣ, тоже скакать. Диковинки же они дѣлаютъ! Лѣтъ 20 назадъ, орда не перемерла еще, лсакъ не былъ собранъ, орды было много и купцы тутъ; былъ приставленъ казакъ блясти, чтобъ не начинали торга; казакъ, какъ водится, дали, ну и пошло дѣло, а черезъ нѣсколько времени смотримъ—тунгусъ лежитъ, оретъ и какъ медвѣдь землю деретъ, такъ сердечный пьянъ; смотримъ, пришли три шамана, прикрыли его своими парками, побормотали что то и черезъ часъ онъ пошелъ какъ ни въ чемъ небывало. Мы изъ дивъ вышли.—А вотъ еще разъ, при шаманствѣ, въ юртѣ я зачиталъ «да воскреснетъ Богъ,» шаманъ повернулся ко мнѣ, да и говоритъ; Аэзасіи! ступай—у тебя глазъ нехорошъ. Да много, много, всего неперескажешь».

В, С А М О Л Д Ы.

На стр. 143 кн. Костровъ говоритъ: «Юраки самый сѣверный народъ самолдскаго племени».

Какъ здѣсь понимать слова: «народъ и племя»? Юраки имѣютъ очень много отличительнаго отъ самоды и слѣдовательно—составляютъ ли часть ея, будто особый родъ, это еще вопросъ. Хотя юраки дѣйствительно бродятъ по очерченной кн. Костровымъ мѣстности, но нельзя ихъ называть самымъ сѣвернымъ народомъ, да еще и самолдскаго племени, потому что жилицы сѣвера, далѣе отъ Туруханска, распределены такъ: къ востоку отъ Енисея, по Нижней Тунгускѣ и нѣсколько къ сѣверу отъ нея—тунгусы, сѣвернѣе ихъ—долганы и якуты, наконецъ властители пустынныхъ забучихъ тундръ—енисейская самода, раздѣ-

ляющаяся на три орды: двѣ затундринскихъ, одну по Енисею; на западной сторонѣ, ближе къ Туруханску—остяки, за тѣмъ юраки, а къ самому морю выходитъ самоедь березовская.

Я буду говорить здѣсь не объ юракахъ, а о настоящей енисейской самоеди, о чемъ нѣтъ въ ст. кн. Кострова.

У нихъ переносе возвышеннѣе и носъ длиннѣе, чѣмъ у тунгусовъ; цвѣтъ лица желтоватый; волосы различные: есть прямые, есть курчавые, т. е. черные, то и русые, и у иныхъ длинныя, у другихъ острижены не ровно, какъ бы оборваны; бороды и усовъ нѣтъ. Самоедская одежда теплая и чистая, по большей части, бѣлаго цвѣта, изъ оленьяго, опущенной или козломъ, или шкурой черной коровы, или пескомъ, но украшеній на одеждѣ мало и вообще красотою и изяществомъ вкуса (по ихъ понятіямъ) самоедь далеко уступаетъ юракамъ. У нихъ нѣтъ почти *малицъ*, т. е. разрѣзанныхъ одеждъ, а болѣе употребляется *ктихарь*, т. е. рубаха съ воротомъ, шерстью внизъ зимой и шерстью вверхъ лѣтомъ; сотуры такой формы, какъ у тунгусовъ, а сверхъ того *сокуй*, т. е. мѣшокъ съ мѣстомъ для головы, гдѣ вырѣзка для лица, и съ рукавами на своихъ мѣстахъ. Оленей имѣютъ по многу: отъ 100 даже до 1000; потому въ пищѣ мало имѣютъ нужды и, за недостаткомъ дикихъ, колютъ домашнихъ оленей; только олени у нихъ значительно изнурены, потому что ѣздятъ на нихъ въ саняхъ и зимой и лѣтомъ, когда на оттаявшей на четверть землѣ и выпустившей растительности не проваливаются ширококопытныя ноги оленя. Остановившись въ тундрѣ, иногда и нѣсколькими семействами, каждое беретъ изъ своего табуна оленя и приноситъ въ жертву, распарывая горло вдоль шеи и брюхо, не отнимая ни одной части и не снимая даже кожи; затѣмъ ставятъ на нѣсколькихъ колышкахъ, будто на ногахъ, съ поднятымъ къверху рыломъ прямо на югъ. Этою жертвою хотятъ умиловить божество свое, что бы оно было защитникомъ противу злѣйшихъ враговъ самоеди—волковъ, которые рѣшительно одолеваятъ самоедь, являясь стадами всегда въ пургу, т. е., когда ни хозяинъ, ни олень ниче-

го не видятъ и не могутъ защищаться. Мѣсто, гдѣ останавливается самоедь, представляетъ какъ бы видъ ярмарки, потому что на особаго устройства саниахъ возится съ мѣста на мѣсто не только все семейство, со всѣми его домашними принадлежностями, но и лѣсъ, изъ котораго составляется чумъ,—на тундрѣ рѣшительно негдѣ взять матеріалу. Сани самоедскія устраиваются по прилагаемому рисунку (смотри. рис. 1), а именно: а) полозья, имѣющіе до 5 аршинъ отъ одного конца до другаго; б) копылья, до 1 аршина; в) *хорей*—палка, которою оленей погоняють, она длиною до 5 аршинъ; d) костяная *пышка* и е) рукоятка. Палка (хорей) склеена изъ изломанныхъ полозьевъ, потому что дерева такого нѣтъ. Сани узки, въ нихъ свободно можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ, а если двое, то по одной ногѣ каждый свѣшивается. Ремни, употребляемые для упряжи, чрезвычайно крѣпки, сдѣланы изъ шкуры какой-то морской рыбы, толщиною болѣе трети дюйма. Очевидцы говорятъ, что шкура эта бываетъ покрыта толстымъ слоемъ скользкаго вещества, въ родѣ того, какъ у гриба подберезника подъ шляпкой и такого же цвѣта, но этотъ слой прежде всего оскабливають. Самоедскій чумъ (смотри. рис. 2) устраивается изъ готоваго уже сухаго лѣсу, всегда возимаго съ собою, какъ драгоценность; величина, прочность и теплота далеко отличаютъ его отъ тунгускаго; ставится онъ на саниахъ съ высокими копыльями (до аршина), и вмѣщается въ себѣ человѣкъ 30; высотой по крайней мѣрѣ вдвое болѣе тунгускаго, и потому дымъ выходитъ въ верхнее окно гораздо свободнѣе и не душитъ такъ, да и окно это съ желѣзнымъ листомъ. Обить чумъ двумя шкурами оленьими, такъ, что внутренняя безъ шерсти, а наружная—съ шерстью. Съ одного боку дверь въ чумъ; посреди его, противъ двери, устроенъ на желѣзномъ листѣ очагъ; въ чумѣ есть скамьи и разная домашняя утварь. Такіе то чумы возить съ собою самоеди и лѣтомъ и зимою на оленяхъ, безъ которыхъ плохо было бы самоеди, особенно лѣтомъ, когда тундристая земля на четверть оттаиваетъ и выпускаетъ растительность,—тутъ ширококопытый олень только не проваливается.

Въ тѣхъ мѣстахъ, съ осени начинается постоянный мракъ
Кн. VI.—Отд. I.

ночи, и онъ былъ бы ужасенъ, если бы природа не развлекала безутѣшнаго, напряженно—мрачнаго состоянія духа обитателей, отраднымъ величіемъ сѣверныхъ сіяній; къ веснѣ же апрѣльское солнышко какъ будто прольетъ изъ себя не исчислимое количество звѣздочекъ,—такъ играетъ оно самыми разноцвѣтными тѣнями въ каждой отдѣльной, какъ бисеръ, снѣжинкѣ; тутъ ужъ некуда скрыть глазъ: куда ни повернете ихъ, всюду эта разноцвѣтная игра, и нѣтъ мѣста, гдѣ бы ея небыло. Не даромъ у самояди сѣуженные глаза и широкія опущенныя верхнія вѣки. Не даромъ самоядъ считаетъ лакомствомъ—пить кровь животнаго, по преимуществу оленя. Кстати объ употребленіи крови: всегда оно есть плодъ лекарственной необходимости, или отчасти и результатъ того безвыходно—мрачнаго состоянія духа, которое необходимо должно овладѣвать особенно самоядю, какъ самымъ сѣвернымъ племенемъ, испытывающимъ болѣе всѣхъ впечатлѣнія отъ отсутствія солнца, съ его свѣтомъ и теплотой. У нихъ то (какъ говорятъ и какъ пишетъ г. Яроцкій) и происходитъ особенная, въ родѣ водобоязни, болѣзнь, состоящая въ непреодолимой алчности къ насыщенію себя человѣческимъ мясомъ и кровью (*). Сперва челоѣкъ дѣлается мраченъ, молчаливъ, страненъ и какъ бы нечувствителенъ; глаза нмѣетъ дикіе, сверкающіе, ищущіе будто чего-то, или останавливающіеся на одномъ и томъ же предметѣ; задумчивость переходитъ въ безпамятство, прерваніе котораго приводитъ больного будто въ какое то замѣшательство, кончающееся не обыкновеннымъ звѣрствомъ, и первый встрѣчный подвергается истязаніямъ зубами. Иногда припадки эти, случаясь по разу въ годъ, проходятъ безъ особыхъ послѣдствій, и у укушеннаго не бываетъ припадковъ, какъ въ водобоязни; иногда же припадокъ останавливается только тогда, какъ больной уже довольно напился человѣческой кровью. Лекарствъ противъ нея ни какихъ не извѣстно, но вѣроятно можно бы предотвращать ее кровопусканіями.

(*) Мы говорили преступники по сѣденію дѣтей своихъ, что человѣческое мясо необыкновенно вкусно.

Кстати ужъ, говоря о жителяхъ тундры, описать здѣсь и тотъ экипажъ, въ которомъ чиновники ѣздятъ за тундру. Это балокъ (смотри рис. 3). Копылья у него въ четверть вышины; полосья 20 четвертей длины; самый коробъ въ длину три аршина и болѣе, въ ширину 2 аршина, а въ вышину до $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Основаніе короба состоитъ изъ нѣсколькихъ таловыхъ или черемуховыхъ дугъ, тонкихъ, скрѣпленныхъ между собою длинными, тонкими драницами и ремешками, привязанными къ дугамъ. Такимъ образомъ балокъ весь двигается, что именно и нужно, а если бъ сдѣланъ былъ крѣпко и не имѣлъ этой подвижности, то скоро распался бы. Съ одного боку, для входа въ него, есть дверь, и одно или два окна. Весь остовъ обтянутъ оленью кожей цѣликомъ, шерстью наружу; а такъ какъ снаружи въ шерсть можетъ набиваться снѣгъ, а внутри оленьина можетъ отпачивать отъ дыханья сѣдоковъ, то балокъ и обтягивается еще съ обѣихъ сторонъ холстомъ. Въ такомъ балокѣ могутъ находиться свободно 2 человѣка, въ лежачемъ положеніи, и даже не особенно тепло одѣвшись. Подъ балокъ впрягаютъ по 4 оленя; отправляется онъ всегда подъ руководствомъ особыхъ передовыхъ саней, запряженныхъ двумя оленями.

Г, Я Б У Т Ы.

На стр. 139 и 140, кн. Костровъ говоритъ объ якутахъ Туруханскаго края, говоритъ, правда, кратко, да и сказать объ нихъ нечего, ибо этотъ народъ подробно уже описанъ въ своемъ главномъ жителствѣ Якутской области. Онъ раздѣляетъ ихъ на два рода: Шарахинскій и Нижне—затундринскій. Но такъ какъ есть якутскія семейства и на пути изъ Енисейска къ Туруханску, въ станкѣ Костинскомъ, то мнѣ кажется совершенно излишнимъ считать за особый родъ и тѣ нѣсколько семействъ, кои живутъ 40 верст. отъ Туруханска, на станкѣ Шорохинскомъ. Считаю излишнимъ также и потому, что они и жилищемъ и всѣмъ другимъ не отличаются отъ русскихъ, кромѣ развѣ физіономіи. Все ниже изложенное будетъ относиться къ массѣ якутовъ, названныхъ кн. Костровымъ родомъ Нижне—затундринскимъ.

У кн. Кострова сказано, между прочимъ, что живутъ якуты по рр. Хетъ и Боганидѣ, тогда какъ мною еще въ замѣткахъ о тунгусахъ сказано, что Илимпейскій родъ бродитъ около Ессейскаго озера, гдѣ и ссорится постоянно съ якутами. Слѣд., мѣсто жительства якутовъ есть и у озера Ессейскаго; къ рѣчкамъ же Хетъ и Боганиду выходятъ они только на промыселъ и раззоряютъ тамъ песцовыя гнѣзда, лишая тѣмъ песца возможности являться лѣтомъ для приплода. По крайней мѣрѣ такъ жалуются обитатели этихъ рѣкъ. А такъ какъ эти якутскіе выходцы давно, и неизвѣстно когда, заняли самыя лучшія мѣста съ озерами, изобилующими бѣлою рыбою, то и имѣютъ много оленей, живутъ, въ сравненіи съ другими, богато и даже, по слухамъ, занимаются скупомъ горностаевъ, росомахъ, песцовъ, волковъ и шкуръ оленей, для вывоза и перепродажи въ область Якутскую. Сосѣди этихъ предпримчивыхъ и трудолюбивыхъ якутовъ—Илимпейскій родъ тунгусовъ оказался слабымъ соперникомъ. Онъ постоянно ссорится съ якутами и жалуется на то, что якуты, въ числѣ 250 душъ м. п., поселились у Ессейскаго озера на ихъ родовой исконной землѣ, завели часовню и зимники, живутъ подъ управленіемъ 3 старостъ, стѣснили ихъ промыселъ, берутъ должниковъ въ кабалу и не позволяютъ имѣть тунгусамъ ни *настей*, ни другихъ промысловъ. Вслѣдствіе этого, какъ Илимпейскій родъ тунгусовъ, такъ и сосѣдній съ нимъ Чаногирскій, перестали вносить ясакъ соболями, горностаями и лисицами, а уже платятъ его деньгами. Замѣчательно, что эти якуты, живя на землѣ Туруханскаго края, по крайней мѣрѣ верстъ на 500 отъ границы Якутской области, до сихъ поръ (сколько мнѣ извѣстно) не состоятъ въ вѣденіи туруханской администраціи.

За тѣмъ, на стр. 141 и 142, у кн. Кострова описаны жилища якутовъ не сообразно съ дѣйствительностію. Назвать якутскіе зимники «дворами» передъ чумами самоеди—невозможно. Начать съ того, что, сперва по тонкости и мелкости, а далѣе по совершенному отсутствію лѣса—и русское, и якутское, и самоедское жилище за Туруханскомъ равно строится, по большей части, изъ барочныхъ досокъ. При такихъ условіяхъ, плохо-

было бы отъ вѣтровъ русскимъ изба́мъ, стоящимъ на высокихъ берегахъ, если бы онѣ не были защищены лѣскомъ и сугробами снѣга, въ которыхъ и стоятъ; вѣтры же проносятся большею частію съ напоромъ, по лощинѣ Енисея. Но и при такой защитѣ, все таки незавидна жизнь въ этихъ курныхъ избахъ: едва затопили печь, съ полу повалило такимъ холодомъ, что пріѣзжіи по неволѣ въ шубѣ лѣзетъ на полати, а тамъ новая бѣда: онъ можетъ задохнуться отъ дыма. Къ этому надо прибавить еще постоянно дурной запахъ отъ пищи, состоящей изъ муки, варящейся въ водѣ съ соленою рыбою и скоро протухающей, отъ малаго количества соли; да тутъ же варится пища для существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ животныхъ, собакъ, и всегда изъ рыбы протухшей. Якутскіе зимники (смотри рис. 4) (*) устроиваются на подобіе черной бани, безъ кровли. Внутри жилье раздѣлено, какъ будто корридормъ, на 2 части, а именно: отъ входа къ передней стѣнѣ положены брусъ, вышиною въ полъ-аршина, а другъ отъ друга аршина на 2; отъ этихъ брусевъ, между которыми, такимъ образомъ, образовался проходъ, положены къ стѣнамъ доски, на подобіе татарскихъ наръ, съ проходами въ свою очередь къ окнамъ; въ сторонкѣ въ одномъ углу казенка (для складки по домашности), а въ другомъ углу, недалеко отъ входа,—печь, которая топится дважды въ день. О перемѣнахъ температуры судите потому, что во все время топки, передъ каменной парятся, а черезъ нѣсколько часовъ бываетъ такой холодъ, что снова нужно топить; окна затыгиваются рыбьей, особенно налимьей, шкурой, или заставляются льдинками, болѣе всего держащими тепло. Для пріѣзжихъ господъ отдѣляютъ во всю половину, гдѣ нѣтъ печи, свѣтлицу съ крышкою, что бѣ не попадалъ дымъ и не беспокоилъ непривычныхъ; для собакъ особый хлѣвъ, а для оленей, пригоняемыхъ на случай нужды въ нихъ, крытый дворъ. Въ обыкновенное же время олени свободно гуляютъ, будучи отогнаны на моховое мѣсто, потому что

(*) А, печь, в, казенка, с, окна, d, отгороженная свѣтлица съ дверью.

на томъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году выѣденъ мохъ, онъ не успѣлъ еще вырости. Описавъ такимъ образомъ, незавидное для здоровья, жилье якутовъ, мы должны прибавить, что въ мѣстахъ, занимаемыхъ якутами, есть довольно дикихъ оленей и много озеръ, изобильныхъ рыбою. Живутъ якуты безбѣдно, потому и болѣзней между ними менѣ слышно.

М. КРИВОШАПКИНЪ.

